

Виталий Черников

ВИТРАЖИ

Виталий Черников

Витражи

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26726558
Витражи / Виталий Черников: КИТОНИ; Москва; 2008
ISBN 978-5-91679-002-3

Аннотация

Роман «Витражи» написан в жанре фантастических исторических хроник, в лучших традициях фэнтези. Он открывает серию книг, посвященных двум тысячелетиям существования волшебного мира людей и магов, эльфов и гномов, населяющих Континент Дракона. В романе дана подробная история и география стран Континента, объемно и кинематографично прописаны портреты новых жителей Земли, существование которой всецело зависит от равновесия сил, удерживаемого магами из Университета Волшебства. Книга предназначена для самого широкого круга читателей.

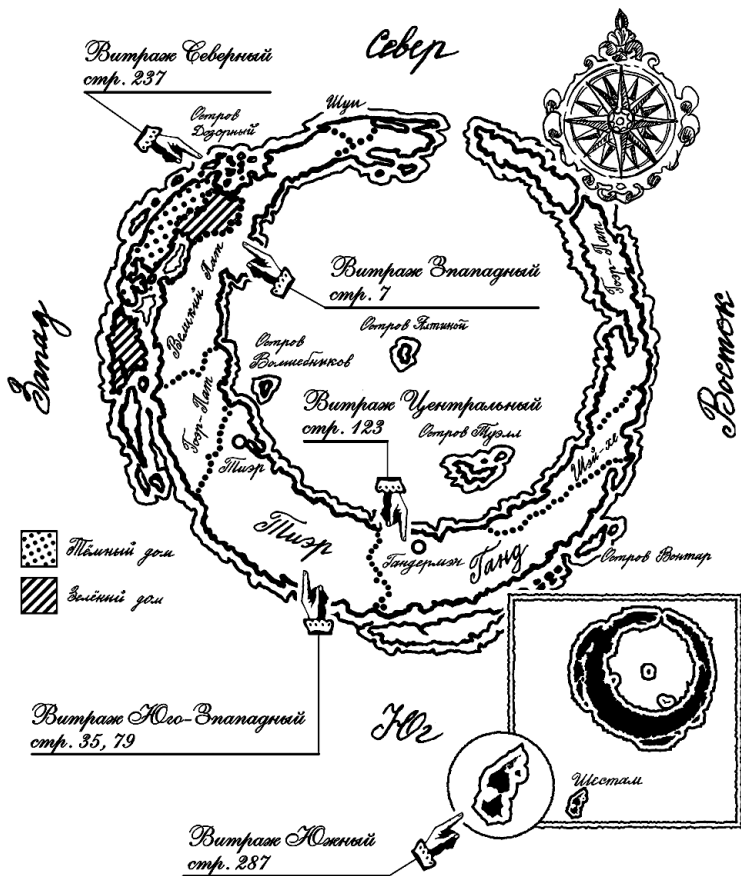
Содержание

Витраж западный	6
1	9
2	19
3	29
4	35
5	42
Витраж юго-западный	45
1	48
2	53
3	65
4	67
5	72
6	81
7	84
8	99
9	105
Витраж юго-западный	106
1	109
2	113
3	115
4	123
5	125
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Виталий Черников
Витражи
Роман

© ООО «КИТОНИ», 2008

© Черников В., текст, 2008

Витраж западный

Дом Судебника

Нолонин

Ориовин

Великий Лат

1890 год от Великого падения

*Tabula rasa*¹

¹ *Tabula rasa* (лат.) – чистая доска.

– Нет, Руста, врешь ты все. Как это старикан будет маленьких девочек есть? Он же старенький, у него, наверное, и зубов-то нет.

– Гляди, отрастут на языке бородавки, – не оборачиваясь бросил отец, – а то я вожжой протяну. По самому – по мягкому. Ишь мелкота. Стариканы летом в валенках да на завалинках. А он... Одно слово – кудесник. – Отец легонько хлестнул кобылку Феньку по упитанному крупу, чтоб не прислушивалась к людским речам. – Ты, Руста, сестре голову не морочь. Даром что велик, а попотчую. И спать и есть стоя будешь. Внял?

– Внял. Чего не внять-то.

Руста развалился на дне телеги, щекотал соломинкой ухо спящего Пуська. Кот ухом дергал, прижимал, но просыпаться отказывался. Пуська пришлось взять из-за Саньки. Ревела в голос, боялась к кудеснику ехать. Потому и спорила с Рустой: то ли его, то ли себя уговаривала. Вроде и добрый кудесник, а поди знай, что по-кудесничьи добро, то человеку, может, и не добро вовсе.

– А вот скажи, отец, – это снова Руста голос подал. Скучно ему.

Пусёк, обиженно мяукнув, шмыгнул за Санькину спину, сама Санька, набычившись, смотрела в поля. Малой – а

Ланьку все называли Малым – сидел спиной ко всем, свесив ноги с телеги, и рассматривал след от колес в пыли.

– А вот скажи, отец, когда с тебя Злого сгоняли, этот же ста... кудесник в Колонцах жил?

– Тебе что за печаль? – буркнул отец, но, смягчившись, добавил: – Говорят, еще самих Колонцов не было, а он уж по этим местам хаживал. Только со мной не он, церковь по-старалась.

Строг отец, да отходчив. Руста старший у него. Год, как сам в поле за сохой ходит. Вот и начинает характер выкачивать. Ланька слушал неспешный разговор, думал о своем. Эх, кабы не заметила тетка Нюра крольчат, не пришлось бы отцу к кудеснику по жару трястись. И то сказать: ну крольчата. Ну народила бы крольчиха новых. Может, и прав Руста... А все-таки здорово. Ланька возбужденно поерзал костлявым задом по доскам телеги. Раз – и ожили. И чувство такое, как от городского питья шипучки, – веселые такие пузырьки царапаются в носу. Смешно и радостно. А тетка Нюра как увидала, так и побелела вся. Смотрит на Ланьку, как будто это сам Злыдень у ее крыльца, в пыльных портах и с побитыми коленками. Смех один. Тетка-то с трех ступенек ухнула – чуть землю до драконьих костей не пробила – да прямо сквозь калитку к Ланькиному отцу. Едва плетень не снесла. Что она там говорила, Ланька не знал, а только почти сразу пришел за ним Руста, злой как черт, пинком калитку распахнул – и то ли буркнул, то ли прошипел: *«Доигрался?»*

Сам дурной, так хоть другим не пакости! Тож же чародей – от горшка два вершка. Эх ты... Это ж втихую надо, а то враз все отымут. Да что уж теперь... Кудесник из нас с тобой искру-то повышибет». Руста, когда сердится, точь-в-точь как отец. И слова те же, и даже стоит так же сутуло, словно медведь над бедолагой-охотником. «Это что же, Руста... и ты?» – обалдел Ланька. «А то ты один такой на всю семью» – уже по-доброму усмехнулся Руста. – «Смотри, мелкота». Руста нахмурил брови, медленно поднял вверх руки. Брошенные теткой Нюрой вилы послушно поднялись над травой, с лентой перевернулись и хищно вонзились в землю. Ланька вздрогнул. «Так-то, Малой. Это, почитай, у всех есть. Подарком зовут. У кого больше, у кого – меньше. Как бы побаловаться дает Злыдень. А кудесник с батушкой эти его силы с человека сгоняют. А не сгонят – человек этот как вырастет, так сам к Злыдню и приходит. Не может уже без колдовства. Понял?»

– Не-а, – обалдел Ланька. – А что ж тогда... а почему отец с мамой мне ничего не сказали?

– Мал ты еще. Одно слово – Малой. Через год все бы и рассказали. А ты вон какой шустрый. Я в твои года... («Давно ли у тебя были мои года», – благоразумно про себя усмехнулся Ланька.) – ...я в твои года и думать не думал Подарком баловаться. Ладно, пошли, что ли, родители ждут.

Дома мать не сводила с Ланьки настороженного взгляда. Он даже поежился. Нехорошо смотрела мама. Как на чужого

смотрела. Что же это за Подарок такой, если из-за него родные от тебя шарахаются? Скрипнула дверь. Вошел, пригнувшись, отец Ипатий, мял в ручищах шапку. Крест у Ипатия поверх рубахи выпущен.

«Ого, – подумал Ланька, – не от меня ли оберегается святой отец?»

– Вот, значит, как, Михей. И до твоих Злой дотянулся, – не то сказал, не то спросил Ипатий.

Сел на заскрипевшую скамью, принял с благодарностью кружку от мамы, отхлебнул шумно.

– А, Михей?

– Значит, так, Ипат.

– Что-то рано Злой младшего твоего привечать стал? – Ипатий вроде просто так спрашивал, но глаза его ох как не понравились Ланьке.

– Так ты, Ипатий, его самого и спроси, Злыдня-то, – усмехнулся отец.

– Его не я спрошу, не мое дело. А вот скажи мне, Михей, правда ли, что ты сам Подарок чуть не до осьмнадцати годов прятал, отдавать не хотел?

– Не крути, Ипат, – нахмурился отец, – сказал, сегодня свезу мальцов к кудеснику. Стало быть, свезу.

– Надеешься, Михей? А припомни, бывало ли на твоём веку, чтобы Подарок Светлым Даром оказался? Свел бы ты их в Божью церковь – вот что я тебе скажу. Оно и ближе, и вернее будет.

– Я сегодня везу их к кудеснику, – процедил отец сквозь зубы.

– Не простил, значит, своего Подарка. – Ипат покачал головой, не торопясь допил квас. – Хорошо ли зло на Святую церковь держать? А, Михей?

– Не то говоришь, Ипат. А ну как и впрямь в ком из них Дар, а ты их всех, подчистую? Вы же не различаете – чей, отымаете любой...

– Стар кудесник, может и перепутать... – словно невзначай заметил Ипатий.

– Ты это брось! – отец уже не скрывал гнева. – Он и тебя, и твоих внуков переживет! Может, это тебя и томит?

– Ладно. – Ипатий встал, выпрямился. Половицы скрипнули. – Твои дети, тебе и решать. А Подарка-то не забыл, не забыл... Так чтоб сегодня.

Он кивнул матери, зыркнул на Ланьку и, согнувшись, вышел. Повисла тишина. Санька заранее начала шмыгать носом. Мать забрала со стола кружку, да так и осталась стоять, прижимая ее к груди, не сводя с отца тревожного взгляда.

– Михеюшка, а может, и верно в церкви детей очистить, а? Чем батюшку гневить?

Отец молча собирал вещи. Поперек лба пошла складка. Ланька сжался – такому отцу лучше не перечить.

– Михей...

Отец, видимо, хотел ответить резко, дернулся, но сдержался.

– Да пойми ж ты! Вон на детей посмотри, что ты им потом скажешь? Не хотела батюшку гневить? Потому и крылья обрubiла?

– Какие крылья, Михай! Светлый Дар один раз за сотню лет бывает, а то и реже!

«Ну, сейчас будет...» – подумал Ланька и наострился было во двор, да не успел. Отец усмехнулся.

– Конечно, реже. А теперь припомни-ка, когда последний раз Светлый Дар объявлялся? Не знаешь? А я тебе скажу: аккурат перед Зеленой сечей. Двести с лишком лет прошло. Вот я и думаю, самое время ему появиться.

На том и порешили. И теперь тряслись на телеге по Колонецкому тракту. Пора стояла – лучше не бывает. Середина июля. Ланька особенно любил этот месяц. Знал на зубок все гороховые поля в округе. Вода в речке как молоко, рыба нагуляла жирок и рост, в лесу первый гриб пошел, ягода. Веселый, беззаботный месяц. Проехали казавшиеся бескрайними нивы. Истошный стрекот кузнечиков остался позади. В лесу было таинственно и сумрачно, ощутимо веяло прохладой.

– И тут как выскочили из-за деревьев эльфы да лешаки, а отец их раз – вожжой, – это Руста вполголоса рассказывал Саньке страшилки.

– Вожжой по самому – по мягкому? – уточняла дотошная Санька.

Голоса доносились все тише, Ланька успел еще втянуть

ноги в телегу, да так и уснул, свернувшись калачиком на свежем сене.

Разбудил Ланьку шум. Колеса гроыхали по брусчатке – въехали в Колонцы. Санька крутила во все стороны головой – как не отвалится, – все враз хотела увидеть. Впервые Санька в городе, даже про своего Пуська забыла. Руста спокойно, свысока поглядывал вокруг, сидел рядом с отцом – знаем, мол, вас, городских... А на Ланьку вдруг нахлынула тревога. Вот кончатся Колонцы, и будет дом кудесника... или замок? А там и Ланькин Дар кончится. Обидно и горько Ланьке. Просто не вмоготу. Ну пусть не сейчас, ну хоть немного по-позже.

– Папань, папаня... может, заедем на базар? Саньке шипучки возьмем... Мама давно чугунок с ручками просила... а?

– И то верно! – оживился Руста. – Точно, Малой, просила мать чугунок. Заедем, отец? – Видать, Руста к кудеснику тоже не торопится.

Отец согласился. Чугунок выбирали долго, смотрели придирчиво, торговались. Перекусили в шумной прокопченной харчевне. Купили Саньке шипучки и куклу – принцессу Латскую. Так ее назвал торговец, хотя чем она отличалась от других кукол, Ланька так и не понял. Санька уселась в телеге по-шэихски², посадила напротив себя куклу верхом на

² Шэихи – население Шэй-хе, государства на юго-востоке Континента.

Пуська, любовалась. Уже не до Колонцов Саньке. Отец расщедрился. Руста получил гладкую яркую рубаху. Синюю, в цвет глаз. Ланька хотел было попросить настоящие крючки, не из гвоздя сделанные, но посмотрел случайно отцу в глаза и осекся. Не хотел отец к кудеснику ехать. Время тянул. Не мог.

– Поехали, что ли, папаня? – сказал Ланька. – А то засветло не обернемся.

Дом кудесника, оказывается, не в самих Колонцах стоял, а на отшибе. Прятался за ельничком. Дом как дом, со светелкой, правда. Ворота распахнуты – кудеснику бояться некого. Двор. Сарай, навес для лошадей. Колодезь с воротом. Заслышав шум въезжающей телеги, из-под крыльца выбрался лохматый задумчивый пес. Подошел вразвалочку. Уважительно издали понюхал Фенькины копыта, презрительно глянул на шипящего Пуська. Склонил лобастую голову набок и солидно, весомо взбрехнул. Ланька огляделся. Двор как двор... Ничего такого волшебного в нем не было. Крыша, правда, покрыта не дранкой, как у людей в деревне, а по-городскому, потемневшей от времени черепицей. Вообще, все вокруг было старым, не то, чтобы ветхим, нет... каким-то многолетним. Скрипнула дверь сараюшки. Ланька резво обернулся. В дверях стоял высокий, выше отца, смуглый старик, худой, но крепкий. На старике был длинный фартук, а в руке он держал ведро с пенящимся парным молоком. *«Вот так кудесник...»* – обескураженно подумал Ланька. Он был разочаро-

ван. Правда, борода у старика была правильная, кудесничья борода. Санька внимательно рассматривала ведро с молоком, склонив голову, — точь-в-точь как тутошний пес. Отец соскочил с телеги, сорвал шапку, пригладил темные вихры.

— Здоров будь, хозяин.

— И вам того же. — Старик поставил ведро, отер крупные коричневые руки о тряпицу. — С чем пожаловали? Совет, хворь, или... — Он цепко оглядел притихших детей.

— Или, — коротко сказал отец.

Кудесник помрачнел, еще раз зыркнул на детвору, оставил взгляд темных глаз на Ланьке. «*Вот уставился...*» — Ланьке стало не по себе. Странно смотрел кудесник. Будто Ланька стеклышко цветное, через какое на солнце глядят. Ланька насупился, незаметно подался за широкую отцову спину.

— Чего ж тащил детишек в такую даль? — буркнул кудесник. — Мог бы и в церковь свести. Попы свое дело знают, только приведи. — Он шикнул на пса, обнюхивавшего Рустины сапоги, пошел к дому.

Не хотелось отцу просить, не привычен он к этому. Да деваться некуда.

— Так как же это... в церкви-то. Что ж в церкви?... Они же...

— Знаю. И как — знаю, и что — знаю. Надеешься, значит? Думаешь, *твоего* попы не разглядели. Убили Дар, калекой оставили?

– А тебе откуда... – опешил отец.

– Не я тебя от Подарка освобождал. Следа моего не вижу. Сапожник свою работу всегда признает. Понимаешь?

– Чего ж не понять, понимаю.

– Тогда пошли в дом, понятливый. – Кудесник еще раз взглянул на Ланьку, вздохнул. – Потолкуем. А вы покуда здесь обождите. Вон ведро у колодца, лошаденку напоите.

Ланька поил Феньку, а сам думал: *«Странный кудесник. Ни тебе дыма синего, ни огня зеленого – как у фокусников на осенней ярмарке. Может, он и не кудесник вовсе. Слыханое ли дело...»* Ланька хмыкнул, представив, как старик, согнувшись в три погибели, дергает корову за дойки. Санька теребила задумавшегося Русту за рукав.

– Я же говорила, говорила!

– Что говорила? – не понял Руста.

– Не ест он маленьких девочек.

Кудесник провел отца в горницу, сам отошел в угол – процедить молоко.

– Как звать тебя, человеке?

– Михай. А тебя? Кудесником звать не с руки. – Отец был смущен и насторожен. Что-то не так было, что-то темнил кудесник, не смотрел в глаза.

– Джибута.

– Что? – не понял Михай.

– Джибута. Ты спросил, как мое имя.

– Вот оно как. Джибута, – Михай произнес незнакомое имя, прислушался к звуку. – Не из наших, значит, будешь?

– Верно. Не из ваших. Только не обо мне речь. – Он быстро, исподлобья глянул на Михея, как черными молниями стрельнул.

– А если нет у твоих детей Дара? Что тогда? – Кудесник достал с полки глиняную кружку, нацедил молока. Михай не нашелся, что ответить, насупился, глядя на руки кудесника. Хорошие руки, работающие.

– Хочешь о своем Даре узнать? – Кудесник Джибута смотрел ему в глаза. Михай не выдержал, засопел, отвел взгляд.

– Нет. Чего теперь уже... что было, прошло.

– Верно говоришь. – Кудесник покачал головой, будто сомневаясь в чем-то. Помолчал. Молчал и отец.

– Хорошо, Михей. Испытаю твоих. Но зря не надейся. Давай, зови в дом. Младшей, вот, молока дай, пока парное.

Михей кивнул, взял кружку. В дверях обернулся.

– Сколько ж возьмешь, Джибута?

– За эту работу – ничего не возьму. За нее не беру. – Кудесник недобро усмехнулся.

– Как скажешь.

Дети по одному зашли в дом. Первым – Руста. Плечи расправил, руки напряжены. Ничего, дескать, не боюсь. Чего мне бояться. Попытался смотреть в глаза кудеснику – куда там. Ночь в глазах кудесника. Беспросветная, безлунная. За ним шмыгнул Ланька, быстро ощупал горницу голубыми глазами, вздохнул. И тут ничего волшебного... Последней, мелкими шажками, Санька. В одной руке – кружка, на другой – Пусёк висит, под передние лапы схваченный, к животу прижатый. Под носом у Саньки – молочные усы.

– Дедуска кудесник, можно я котику молочка в блюдечко отолью? – с порога спросила Санька, кокетничая.

Кудесник улыбнулся, как лучик по речному льду блеснул. Достал с полки блюдце, поставил в уголок.

– Как зовут твоего кота, барышня?

– Я не «барышня». Я – Санька. А он – Пусёк. – Санька присела на корточки, подтолкнула взъерошенного кота к блюдцу. Пусёк потерял интерес к окружающему, засопел, зачмокал.

Отец сидел на лавке, положив руки на колени, глядел, не отрываясь, на детей, словно прощался.

– Что ж, Санька. С тебя и начнем. Иди сюда. – Кудесник поманил ее пальцем. Санька засмушалась, оглянулась на отца. Отец коротко кивнул. Санька спрятала ручонки за спину, подошла. Кудесник простер над девочкой руки. Ланьке стало не по себе. Что-то происходило в горнице. Или это на дворе стало смеркаться? Ланька чувствовал, как комната заполняется чем-то тягучим. Все вокруг утратило четкость очертаний. Все, кроме кудесника и Саньки. Руста тоже почувствовал, дернулся, но остался сидеть, только кулаки сжал – костяшки побелели. Все звуки пропали. Из рук кудесника полился на Саньку снежно-искристый туман, завихрился вокруг. Девчушка звонко засмеялась, и Ланька сразу успокоился, почувствовал – все хорошо, все так и должно быть. Искры сверкали, сталкивались, как будто танцевали, и Ланьке даже почудился тихий переливчатый звон. Санька замороженно стояла посреди сверкающей метели, отблески искр сияли в голубых глазах. Ланька не заметил, сколько прошло времени, пока кудесник мягко убрал руки. Искры растерянно поблекли и растаяли. Отец шумно вздохнул. Санька, улыбаясь во весь рот, смотрела поочередно то на него, то на кудесника.

– Иди, иди к отцу. – Джибута мягко подтолкнул Саньку. Та послушно просеменила через комнату, забралась к отцу на колени, обняла за загорелую шею. Санька была сбита с

толку: что же такое с ней было?

– Чиста девочка, Михей, – промолвил кудесник. – Не было в ней ничего.

Отец молча кивнул, посмотрел на сыновей. Ланька заметил отчаянный взгляд Русты. Отец отвел глаза.

– Твоя очередь, старший, – сурово сказал кудесник. Руста порывисто встал, на глаза навернулись слезы.

– Подождите, я... – просипел, с трудом проталкивая слова сквозь сжавшееся некстати горло. – У меня... я лучше всех наших могу. Я покажу, можно?

Кудесник помрачнел, пожал плечами.

– Не в том дело, что ты можешь. Это – не главное.

Руста вздернул подбородок.

– Вот увидите. – Он нахмурился, закусил губу. Ланька кожей чувствовал его страх – вдруг не выйдет. И непроизвольно напрягся – помочь.

Руста уже известным Ланьке движением поднял правую руку – резная ложка, лежавшая на столе, приподнялась, встала торчком, замерла. Руста повернулся к дверям, сделал резкое движение – дверь захлопнулась. (Санька вскрикнула, прижалась к отцу.) Кудесник скрестил костлявые руки на груди, стоял молча. Руста резко обернулся, оглядывая горницу. Ланька понял: он боялся остановиться, боялся, что скажет этот высокий недобрый старик с пронзительными черными глазами. Пусёк, недоуменно взмывкнув, медленно поднялся в воздух и неторопливо перелетел прямо в руки опе-

шившей Саньке. Руста перевел дух, обессиленно вытер пот со лба.

– Я еще взглядом полтора пуда поднимаю. И минуту держу. – Он с надеждой смотрел на кудесника. В комнате сгустились тени. Кудесник прошел в угол, зажег масляный светильник.

– А я еще огонь могу взглядом зажечь, – поспешно добавил Руста.

– Разве то важно, что ты можешь, – тихо сказал Джибута. Санька шмыгнула носом, но встрять побоялась. Ланька затаил дыхание.

– А что же? – Руста знал ответ, но не отступал. Некуда было ему отступить.

– Ты сам знаешь. Чего боишься? Если это Дар, я его не трону. А если от Злыдня Подарок, то не лучше ли его отдать.

Странно говорил кудесник. Вроде спрашивал, а ответа не требовал. *«Он же все ответы наперед знает»*, – внезапно догадался Ланька. Ему стало не по себе – сколько же лет кудесник по земле ходит?

– Какая разница! – в голосе Русты звенели слезы. Ланька сжался. – Какая разница откуда. Главное, что с ним делать. Я... могу столько сделать! И в поле, и на охоте и... везде. Кого касается, что у меня за Дар? – Кудесник покачал головой. – Это нечестно, неправильно!

– Сынок... – не выдержал отец.

– Что? Ты свой отдал – нате, режьте, ради бога! Хочешь,

чтоб и меня так же? Да? Что это тогда за Бог? Злыдень и то лучше! Он не отбирает!

Кудесник нахмурился, протянул к Русте сухую руку, раздвинул пальцы. Будто хрустальная вьюга вырвалась из-под руки кудесника, охватила Русту, закружилась вокруг. Отец вскочил.

– Сиди, Михей. Ему и так тяжело. Не мешай. – На лбу у кудесника, под темной сухой кожей, набрякли вены. – Ничего с ним не случится. Ничего плохого.

Звездная метель вокруг Русты постепенно блекла, наливалась серым. Рука кудесника подрагивала, все новые сверкающие струи ударяли в Русту, и наконец искристый вихрь вновь засиял. Ланька смотрел. Страх и восхищение одолевали его. Кудесник убрал руки. Сверкающий вихрь померк, исчез. Повисла тишина. Внезапно раздался сухой стук. Резная ложка упала на стол. Руста заплакал.

Отец вскочил, обхватил его за плечи, повел к скамье. Руста послушно шел, глядя перед собой пустыми глазами.

– Это жертва, мальчик. Великая жертва. – Голос кудесника был тих, он смотрел в окно, в рдеющий закат. Отблески пламени в черных глазах. Казалось, что там, в глубине, гудит, мечется огонь.

– Для чего... кому? – выдавил сквозь слезы Руста.

– Для людей. Вон, для сестры твоей. Нельзя человеку на приманку кидаться. Горе она принесет, горе и погибель.

– Я бы столько мог сделать... – едва слышно повторил Ру-

ста.

Санька подбежала, всхлипывая, привстала на цыпочки, обняла тонкими ручонками, прижалась. Из-за ее спины Ланька не видел лица Русты, видел только его руку. Рука нежно гладила светлые кудряшки.

Кудесник стоял, сгорбившись, смотрел в окно. Молчал. Ланька заерзал, забеспокоился. Оглянулся на брата.

– А я?... А как же со мной?

Кудесник медленно обернулся. Ланька посмотрел ему в глаза и обмер – не исчез огонь из глаз кудесника. Полыхал, заворачивал, звал в глубину.

– Дойдет и до тебя. Тоже хочешь умение показать?

– А что, нужно? – растерялся Ланька.

– Как звать тебя, младший сын? – спросил вместо ответа кудесник.

– Ланом. Только все Малым кличут. Мне не в обиду... А показать-то я ничего и не могу...

– Значит, из-за старшего ехать пришлось? – Джибута усмехнулся, глядя прямо в напуганные глазенки. Ланька совсем запутался, оглянулся беспомощно на отца. Отец прокашлялся.

– Из-за Малого ехали, Джибута. Он по малолетству не хоронился – аккуратно у соседки на глазах и сотворил.

Кудесник кивнул, прищурился.

– Что ж ты сотворил, Лан по прозвищу Малой?

Вид кудесника, его речь – все выбивало Ланьку из колеи.

«Вот ведь спрашивает... ведь сам все наперед знает, а спрашивает. Зачем ему?» Ланька стрельнул взглядом в лицо кудеснику, отвел глаза. Ничего было не разобрать – то ли всерьез говорит, то ли потешается. Ну и ладно.

– У Снежки... это крольчиха тетки Нюры, такая белая-белая, ее потому Снежкой и зовут, а еще потому, что пушистая, – сбивчиво затараторил Ланька. – Вот... у нее родились крольчата... а двое – серый и белый с черными пятнами, они последыши были, потому и родились мертвыми... Вот... – Ланька даже запыхался. Такую длинную речь он произносил впервые.

– Ясно. А ты тут при чем? – спокойно спросил кудесник.

– Я? Ни при чем, конечно... Крольчиха-то теткина, не моя...

– И что ты сделал? – по-прежнему невозмутимо осведомился Джибута.

– Я? – Ланька даже рассердился на себя из-за этого «яканья». – Я... уф... не знаю, может это и не я, оно как-то само получилось. В общем, они раз – и ожили.

Ланька даже заулыбался, вспомнив то удивительное чувство.

– А может быть, они и не умирали? – вкрадчиво заметил кудесник, рассматривая узор на занавесах.

– Как это? Что ж я, живого от мертвого не отличу? Они же у меня на ладони лежали. Не, мертвее не бывает, это уж как пить дать, – совершенно неожиданно для себя выпалил

Ланька любимую отцову присказку. Кураж вдруг прошел, и Ланька весь съежился, глянув в непроницаемое лицо кудесника. Кудесник внимательно, очень серьезно смотрел на Ланьку.

– Я вот думаю, – неожиданно подал голос отец, – как же Злыднев дар может Божьей твари жизнь вернуть? Странно это, Джибута.

– В мире много странного. А насчет Дара – посмотрим. Посмотрим, Михей, – повторил кудесник, протянул к Ланьке костлявую темную руку. Ланька зажмурился. Все вокруг поплыло. Ланька словно нырнул в стремнину. Даже дыхание задержал. И тут он и впрямь услышал звон. Тонкий и певучий. Будто ручей вызванивает на острых блестящих льдинках. Ланька вздохнул – воздух был таким же, свежим и звенящим. Тогда он открыл глаза. Вокруг пел, сверкал, искрился неистовый хоровод. Снежные радужные искры весело отбрасывали зайчиков на темные стены, на напряженные лица людей. Ланька улыбнулся отцу, развел руки – все в порядке, не волнуйся... И тут из его рук навстречу звонкой метели вырвались вихри блистающих искр. Потоки переплелись, закружились, как будто ждали друг друга. И было не отличить, где искры Джибуты, а где его, Ланьки. Джибута медленно, осторожно убрал руку. Вихрь не прекратился, не померк. Он по-прежнему обволакивал Ланьку сверкающим облаком.

– Хватит. Опusti руки, Лан, – мягко сказал Джибута.

Ланька вздрогнул, спрятал руки за спину. Искорки мед-

ленно, с неохотой растаяли. Звон стих. В горнице повисла тишина. Джибута подошел к отцу. Отец неловко – видно, ноги затекли – встал навстречу кудеснику.

– Не томи, Джибута... – хрипло сказал отец. – Что с мальцом?

– Сам знаешь, Михей. Что же теперь отступать? – холодно спросил кудесник.

– Он... это – Дар? – Отец глядел на Ланьку. Ланька только раз видел у отца такой взгляд. Когда на вторые сутки мать разродилась и тетка Нюра вынесла отцу вопящий комочек – Саньку. Глаза отца блестели. Неужто отец... плачет? Ланьке только сейчас стало страшно. И страшнее всего было обернуться и посмотреть в глаза Русте.

Первой, на удивление, нашлась Санька. Просеменила к Лану, дернула его за рукав.

– Ты теперь тоже кудесник, да?

Ланька улыбнулся, шмыгнул носом, пожал плечами. Отец шагнул, подхватил Ланьку под мышки, поднял. Крепко, оцарапав отросшей к вечеру щетиной, поцеловал в обе щеки. Ланька настолько опешил, что не мог произнести ни звука. А потом он почувствовал легкий толчок в плечо. Повернулся.

– Ну вот. Я же говорил. Есть у нас в семье кудесник. – Голос у Русты был сиплый, глаза красные. Он улыбался одними губами – в глазах плескалась боль.

– Руста... я не хотел, честно, так получилось. – Ланьке было тяжело говорить. Как будто украл у брата. – Я не нарочно...

– Значит, так, – неожиданно громко, звучным голосом сказал Джибута. Он уже доставал с полок какую-то снедь, раскладывал на столе. – В такую темень я вас со двора не пущу. После ужина будем стелиться. Он мельком взглянул на Русту. – Старший с отцом – здесь в горнице, на скамьях. А Лан с барышней (Санька хмыкнула) у меня расположатся.

– А ты, Джибута, как же? – спросил отец. – Вот так гости, хозяина из опочивальни выжили, сами улеглись.

Санька засмеялась. За ней тихонько засмеялся и Лан.

Чуть погодя к ним присоединился Руста. Даже кудесник хмыкнул в длинную бороду.

– За меня, Михей, не бойся. Я наверху, в светелке. Не впервой. – Кудесник вновь посуровел. – Завтра поедете все. Но Лана ты через неделю вернешь. Отпускаю его проститься. Мой он теперь.

Ланька поперхнулся, закашлялся. Глянул с ужасом на кудесника, на отца, снова на кудесника.

– Дар беречь и развивать нужно, – пояснил Джибута, глядя на детей. – Сейчас он как яблонька-дичок. Не привьешь вовремя – какими яблочки будут?

– Кифлыми! – сообщила Санька, деловито запихивая в рот кусок хрусткого пирога с капустой.

– Слышал я об этом. – Отец отложил в сторону хлеб, вытер усы. – И сколько ж Лану в учениках ходить?

– Некоторые всю жизнь ходят, да все без толку. – Хитро прищурился Джибута. – Дважды в год буду отпускать его погостить. На новогодие и на покос. Зимой неделю, летом – три.

– Хорошо. – Отец налил из жбана пенистого квасу себе и Русте. Лан и Санька предпочитали молоко. Кудесник тянул какой-то темный горячий напиток.

– И сколько за учебу причитается, Джибута? – В голосе отца сквозило беспокойство. Небогат Михей.

– Ты уже заплатил. Или не понял? – Кудесник вытянул руку, потрепал Лана по кудрявому затылку. Ланька вздрог-

нул, поежился. Отец нахмурился. — Парень твой не только учиться будет. И по хозяйству поможет, и вообще. Руки везде пригодятся.

— Вот оно что. — Отец выдохнул, отхлебнул квасу. — Это хорошо. Они у меня с измальства приучены, работы не чураются. Руста сам пашет, даром, что четырнадцать годов всего. — В голосе отца сквозила гордость.

После ужина пошли спать. Ланька так осоловел от сытной еды, что даже не успел рассмотреть кудесникову опочивальню. Постель была жесткой, но он ничего не чувствовал. Рядом сопела Санька, в ногах уютно пристроился Пусёк. Ланька повернулся на живот, подложил под голову кулак и уснул. День был длинный, тревожный, и кто знает, какие еще дни ждут впереди.

Михей и Джибута сидели на крыльце, смотрели на звезды. Под навесом сонно всхрапывала Фенька. Лохматый пес вытащился из-под крыльца и тихо уселся рядом, распустил по земле колечко хвоста. Джибута раскуривал изогнутую трубку. Тусклый багровый свет выхватывал из полумрака задумчивое морщинистое лицо, тонул в глазах. Терпкий, странный аромат поплыл по двору, защекотал Михею ноздри.

— Можно тебя спросить, Джибута?

— Спрашивай.

— Прежде я все думал: эх, не лишили бы меня Дара, хорошо бы было... А сейчас смотрю на Лана и думаю: хорошо

ли? Как это – жить с Даром?

– Это все?

– Ответь хоть на это, если можешь.

– Почему ты назвал его Ланом?

– То есть как? Что значит почему? Хорошее имя, моего деда так звали.

– Нет. За ужином и сейчас ты назвал его Лан, а не Малой. Почему?

– Не знаю. Но ты мне не ответил...

Джибута молча пыхал трубкой, смотрел куда-то в даль. В такую даль, где и не было ничего.

– Я, наверное, понял... – Михей провел рукой по лбу, откинул темные выющиеся волосы. – Это тяжело, Джибута?

– Как сказать. Наверное, сначала да. Я уж и не помню. Давно начинал.

– А потом... как потом?

– Тяжелее всего – не любить.

– Трудновато с тобой разговаривать, кудесник. – Михей покачал головой, усмехнулся. – Загадками говоришь. А не любить почему?

– Трудно хоронить любимых.

– Прости.

– Ничего.

Фенька переступала с ноги на ногу, трясла головой – хоть и прохладна ночь, а гнус не спит. Где-то вдали лениво брехали собаки.

– Может, и лучше было свести его в церковь...

Джибута молчал. Уголек трубки монотонно затухал и разгорался, как чье-то огненное сердце.

– Надо было, Джибута?

– Спроси у своей души.

Цикады перекликались на дальнем лугу. По небу плыли невидимые облака, поедали по пути звезды. Михей смотрел на них и думал о сыне. Вот так и его, Михея, поглотит время. И жену. И Русту, и даже Саньку. Лан останется один. Что толку, что станет кудесником. Будет вот так коротать годы на темном крыльце, под чужим небом. Как же это он раньше не додумал, не понял. Жена-то вон сердцем почуяла. Сердцем.

Джибута неслышно поднялся, выколотил трубку.

– Дар, Михей, сам решает. Не ты и не я. Это тебе ответ на все вопросы. И которые спросил, и которые смолчал. Поутру поедешь домой, – присмотри за старшим. И дома – доглядывай. Прикипел он к Подарку. Дело найди ему. Новое, интересное. По душе. Может, ремесло какое – тебе виднее. У вас, в Орловичах, слышал, кузнецы мастера. По всему Лату славятся.

Михей усмехнулся.

– Первый раз волшбу показал, а, Джибута? Ты же не спрашивал, а я не говорил. Как прознал про Орловичи?

Джибута продул трубку, спрятал за пояс.

А ты, Михей, утром на подковы своей кобылки посмотри. На каждой – орловчанский кондор крылья раскинул. Заез-

жему-то такие подковы во что встанут?

Старик проскрипел ступеньками, поднялся наверх. Заглянул мельком в опочивальню – спят младшие, забот не ведают. Полез дальше. Там, наверху, и воздух свежей, и звезды ближе – все не одному ночь коротать. Нашел на ощупь, зажег свечу. Свечи Джибута любил – хоть и тускл свет, мерцает на сквозняках, а писать легче. В лампе сердца нет. Мертвая она. А пламя свечное дрожит – как душа человеческая трепещет. Строки на пергамент сами ложатся, из-под пера убегают.

Не спать сегодня Джибуте. Отоспал. В зеркале свеча отражается, мигает. И Джибута в нем отражается. Который век. Только с отражением и говорит. Правда, молчалив собеседник, оно и лучше – дурного не посоветует. Джибута привык – сам говорит, сам отвечает.

– Третий ученик, Джибута?

– Третий.

– Долго ждал. Или не хотел?

– Кто знает... Может, и ждал.

– Келло, Словорад, теперь Лан-орлович? Все сначала?

– Все с начала.

Сказать легко. Джибута стоял, смотрел в зеркальную глубину, думал, вспоминал день...

Гостей он не ждал, не чувствовал. Отвык по сторонам сети

раскидывать, людей чуют. Спокойно в Колонцах. Лет шестьдесят как спокойно. Только на собачий лай и вышел. Лошаденка у гостя завалящая, но сытая. Бережет хозяин скотину. Вот и сам стоит, мнется. Аура с прорехами, как молью побита. Не иначе святые отцы потрудились – руки поотрывать. Не один, с детьми приехал. Видно, дар прорезался... У которого? Младшая пуста, аура с кровавым отливом. Приняла муку мать, пока рожала, покалечилась. Сама еще не знает, а недуг в изголовье стоит. Или этой зимой, или следующей ударит. Старший. Точно, он. Дар искрит, забивает ауру... сероватая аура. По мелочам – с деревьев яблоки трясти да палки кидать. Вот с кем к кудеснику пожаловали. Отец-то упрям, – в церковь не повез. А это кто такой?...

Джибута смотрел в зеркало, в глаза двойнику. Что-то не рад двойник, забота в глазах. Уж не жизнь ли жалеешь, кудесник? Оплывает свеча, – время сжигает. Горит ночное время, чадит...

Младший сын робел, за отцом хоронился. Оттого и не заметил его кудесник. Аура у мальчишки белая. И искра в ней. Вот оно как. Может статья, из-за этого постреленка весь сыр-бор. Шустер. Все глазенками ощупал. Посмотрим, что за птица.

Думал ли тогда об утреннем послании из Университета? Нет, не думал. А мог бы. Стар стал, умом неповоротлив. Большая волшба в Северном Лате – кто на ребенка подумает? Собирался всю округу обходить – расспрашивать да про-

щупывать. Темного чудодея ожидал, а вот он – Лан Малой. Что теперь передать в Университет? Волшбы на годовой запас тянет, да не на Колонецкий, а всего Лата. Джибута слабо усмехнулся. Повезло Снежинным крольчатам – серому и белому с черными пятнами. Повезло, как ни одному владыке мира. От сердца пожелал Лан – не поскупился. В Университете Витраж как огнем полоснуло. Потому и не смогли сказать, где чудодей хоронится. Сияет весь Северный Лат, переливается... Живите, крольчата, долго.

Вспоминал Джибута, а руки свое делали: отливали, добавляли, смешивали... Утром отдаст снадобье Михею, для жены. Ни к чему на земле горе множить.

Значит, все сначала. Третий ученик – последний шанс. Вспомнил первого. Келло. Кудесники среди эльфов – редкость. И люди их чураются, и свои стороной обходят. Кому такая судьба по сердцу? Что толкнуло эльфа к Джибуте, кудесник по сию пору не знал. А Келло не рассказывал. Дар у эльфа был светлый, с изумрудным отливом – как листок на солнце. И смех солнечный, негромкий.

Кудесник улыбнулся сухими губами. Отражение состроило гримасу.

За все время Келло один раз домой уходил. Вернулся на следующий день. И полгода не слышно было тихого смеха. Учился долго. Не по своей вине. Молод был Джибута, самоуверен. Мало знал, много ошибался. Может, оттого сгинул Келло в Большом Океане? Сколько пытался Джибута нашу-

пать связь, сколько ночей на берегу сиживал – чернота. И Витраж не в помощь. Слишком далеко от земли, от волшебства. Тусклое стеклышко – Келло.

Тогда ушел Джибута из Первого Дома. К людям ушел. В Великий Лат. Да так и осел на чужбине. Словорад Джибуте как сын был. Смышлен, добр, прилежен. Джибуту кольнуло в сердце. Где он просмотрел? Хорош Словорад, что говорить... Острый ум, золотой Дар. Только кому польза от книжного червя. Зарылся Словорад в Академию, надел мантию. Вроде живой, а для Джибуты все равно что умер.

Вспоминал Джибута. Вспоминало отражение. Долгая ночь, длинная жизнь. Джибута сам был третьим учеником. Что тогда, сотни лет назад, толкнуло светлого тиэрского мага? Какое предчувствие? Джибута не помнил тогдашнего лица Амонара – только синевато-серые глаза, глубокие, суровые. Джибута залез в карман к Светлому на шумном Гандском базаре. Толстый кошель охотно скользнул в смуглую ручонку. Не успел Джибута обрадоваться, как в него уперся взгляд. Он пытался бежать – ноги не слушались. Вокруг потешался базар – заморыш пытался обокрасть мага. А глаза... глаза впитывали его, поглощали, как древесный змей птичье яйцо, – медленно, неотвратно. Потом маг отпустил его. Джибута от неожиданности отшатнулся, шлепнулся в горячую пыль. Маг равнодушно отвернулся. Базар взвыл от восторга. Толстый башмачник Маррахани поднялся, хотел огреть Джибуту по спине. Маг метнул в него быстрый взгляд.

Маррахани дернул подбородками, сглотнул, грузно осел на свою скамеечку. Джибута ударился в бега. Вечером, когда он залег в свой угол, в их хибару вошел маг. У Джибуты отнялся язык. Мальчишку выгнали во двор, где он долго стоял ни жив ни мертв, отмахиваясь от комаров тонкой веточкой. Потом вышли оба – и маг и отец. Отец заискивающе улыбался, низко кланялся, сложив руки лодочкой. Джибута замер. Маг подошел, посмотрел сверху на убогую фигурку. Протянул руку. Джибута привычно втянул голову в плечи, зажмурил глаза. Ничего не произошло. Тогда он набрался смелости и поднял голову. Маг улыбался. Маг протягивал ему руку. Джибута робко протянул свою.

Семь лет учился Джибута у Амонара Тиэрского. Странный был человек Амонар. Временами Джибута спрашивал себя – человек ли он вообще? Сколько лет было тиэрцу, Джибута не знал. Спрашивать опасался – не любил маг вопросов. *«Спросить – показать собственную глупость»*. Сотни раз слышал это Джибута. Обижался поначалу. Потом понял. Спустя годы университетские профессора пожимали плечами. Джибута? Молчун, одиночка. Ничего не спрашивает, – видимо, ничего не понимает. Так было два года – до первых экзаменов. Джибута не помнил экзаменаторов, не помнил каверзных, двусмысленных вопросов. Не помнил кривых улыбок сокурсников. Многие хотели унижить строптивого студента. Другое до сих пор перед глазами Джибуты. В

заднем ряду амфитеатра, под малым витражом дракона, сидит, опираясь на посох, Амонар. Только это и помнил Джибута. А он-то сомневался, заметил ли вообще учитель его уход. Амонар не улыбнулся, не подал знака. Просто сидел. Весь экзамен. Когда коллегия экзаменаторов нехотя вынесла вердикт, Джибута вновь украдкой взглянул на скамью. Амонара уже не было.

О чем думал тиэрец, когда брал гандского воришку в ученики? Третий ученик. Джибута вновь вспомнил Университет, последнюю лекцию. Эти слова каждый маг помнит до гробовой доски. *«Вошебник может воспитать трех учеников. Первый – замена погибшего вошебника, не имевшего учеников. Второй – замена погибшего ученика. Третий, последний, – замена учителя. После третьего ученика вошебник не имеет права продлевать свою жизнь».*

Третий ученик. Лебединая песня.

Третий ученик. Смертный приговор.

Третий ученик – Лан.

Джибута достал новую свечу, поджег от старой, поставил рядом. Вот он, Лан Малой. А рядом он – Джибута. Надо передать огонь. Зажечь, но не спалить.

Отражение смотрело на Джибуту, пряталось в тени, куталось во мрак. Посверкивало глазами.

Сколько лет тебе осталось, Джибута Гандский?

Спросить – показать глупость.

Стоит ли мальчонка такой жертвы?

Не ответил Джибута. Вспомнил испытание Лана. Теплый ответный удар Силы. Не злой. Мальчишки всегда ошечиниваются, пытаются ударить, защищаясь. А этот... Как телок, боднул легонько лобастой головой в плечо – привет, мол, вот он я. Это не зеленый дар Келло, не золотой Словорада – прозрачный Дар. Только тогда и поверил Джибута. И в оживающих крольчат поверил, и в чудеса. Как же учить тебя, Лан Малой... Какой цвет примет твой Дар, чем обернется?

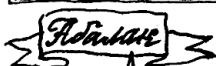
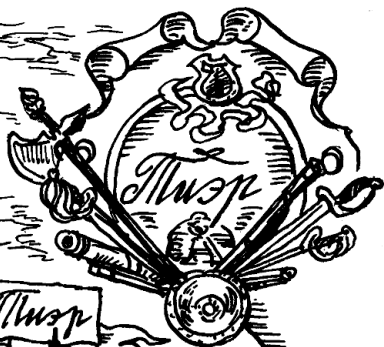
В Колонцах перекликались петухи. Ланька проснулся. Посмотрел удивленно вокруг – чужие стены, Санька сопит, палец во рту. Вспомнил вчерашнее – чуть не подпрыгнул от восторга и ужаса. Он, Ланька, – ученик кудесника. Огромного, мрачного кудесника. Ланька зажмурился, помотал головой, открыл глаза. Нет, не исчезла спаленка. Значит, не сон. Ланька подхватился, вскочил. Надо Феньке корм задать, напоить. Кубарем скатился с крылечка, выскочил во двор. Отец смазывал скрипучую заднюю ось, негромко говорил с кудесником. Фенька хрупала, уткнувшись мордой в торбу. Ланька виновато шмыгнул носом. На задах гулко ухал топор – эхо от берез отскакивало. Ланька любил смотреть, как Руста колет дрова. Даром что четырнадцать, колет так, что не каждый мужик сумеет. Глаз у Русты цепкий. Враз оглядит здоровый неохватный чурбанище – и в три удара между сучков развалит надвое. Это тут у Русты хозяйский топор, а дома – здоровенный колун с хищным толстым оголовьем. Ланька двумя руками с трудом подымал его, а Руста управлялся одной. Охоч до работы Руста, все у него в руках спорится. Возле Русты сидел хозяйский пес – следил за работой, крутил лохматой башкой. Отец мельком глянул на Лана, улыбнулся: *«Проснулся, лежебока? Иди буди сестру. Умоешься – завтракать будем»*.

Ели деловито, молча. Руста нет-нет да поглядывал на Ланьку. Было что-то новое в его взгляде. Как будто не он, Ланька, напротив него сидит, а кто-то другой. Муторно Ланьке. Скорей бы домой. Кудесник на него почти и не смотрел, все больше на Русту да на отца. Санька спросонок лениво ковырялась в своей тарелке. Молчком снесь прибрали быстро. Вышли во двор, прощаться. Санька спохватилась, убежала назад, в дом, – за Пуськом. Руста уже забрался на телегу, нетерпеливо поглядывал на отца. Ланька успел схватить юркнувшего между ног кота, отдал запыхавшейся Саньке, посадил наверх. Фенька теплодохнула ему в затылок. Отец в стороне говорил с кудесником. Джибута достал небольшой медный кувшин с тонким горлышком, передал отцу, что-то сказал. Ланька увидел, как побледнел отец, сжал крепкими пальцами горлышко, а потом поклонился кудеснику в пояс. Руста поперхнулся. Отец быстро сел, бережно поставил подле себя кувшинчик. *«Иди, попрощайся»*, – подтолкнул Ланьку в спину. Ланька слез с телеги, подошел к кудеснику. Все-таки было страшно. Запрокинув голову, посмотрел в лицо кудесника, в темноту глаз. Что-то словно кольнуло Ланьку, он вдруг, неожиданно для себя, прижался к темной руке. Рука чуть заметно вздрогнула. *«Ступай...»* – кудесник хотел сказать еще что-то, но, видно, передумал. Мягко подтолкнул Ланьку. Телега выехала на узкую дорожку. Фенька припустила бодрой утренней трусцой, свежий ветерок перебирал волосы. Ланька смотрел на темную неподвиж-

ную фигуру у ворот. Когда дом уже скрывался за поворотом, Ланьке показалось, что кудесник махнул ему рукой. Конечно, показалось...

Джибута смотрел вслед. Телега давно скрылась за поворотом, а он стоял у ворот. Чем обернется твой Дар, Лан-орлович? Сколько боли и горечи принесет он тебе? Когда узнаешь, что твой учитель – палач брата твоего? Что Дар у всех людей чист? И нет никакого Злыдня – только глупые сказки. Миф, придуманный расчетливыми умами Университета. Потому что нельзя всем быть волшебниками. Ни один мир не выдержит миллиона магов. Поэтому я, Лан Орлович, обрубил крылья твоему брату. Поэтому ты будешь рубить крылья другим. Поэтому живет мир.

Витраж юго-западный

Меня зовут Ревиял Дерпент. Откуда я родом, не имеет значения. Мне 562 года, из которых последние четыреста я занимал пост академика Университета волшебства. Вплоть до вчерашнего дня. Сегодня я первый день на пенсии. Теперь у меня много времени, и я могу писать мемуары. Я не обладаю писательским даром и поэтому прибегну к небольшому волшебству. (Как бывшему академику мне оставлен лимит.) Я выбрал изложение от третьего лица. Так проще. Кроме того, моя манера речи слишком резка и отрывиста для письма.

Я читал мемуары многих: Орест Тиэрский, Вельт Горанносс... Все они начинают с описания детства. Я считаю это излишним. Хронология не подходит для моих целей: важные события редки в человеческой жизни. Я не разрешу выпускать эти мемуары в свет. Во всяком случае в ближайшие 200–300 лет. Дальше – покажет время.

Первая из моих записей – о делах 370-летней давности, 1612 года от Великого падения. Я был непосредственным участником главных событий. Второстепенные факты мне известны от друзей, подчиненных и осведомителей. Кое-что пришлось додумать самому, но я убежден в верности моих суждений.

³ *Summa summarum* (лат) – окончательный итог

Путь от столичного Тиэра до Острова Волшебников занимает не так уж много времени. У епископа Пардского к тому же была папская подорожная, и поэтому на утро второго дня резвая двухмачтовая шхуна пришвартовалась к пирсу. Гавань располагалась в большой бухте на западной оконечности острова. С трех сторон она была защищена высокими крутыми холмами, между которыми змеился широкий тракт. Плоские вершины холмов сверкали под холодным низким солнцем – зима выдалась мягкая, снежная. Снасти шхуны поскрипывали под легким ветром, поблескивали щетками мутных сосулек. Пирс был тих и безлюден. Матросы спустили трап, присыпали его песком – еще не хватало, чтобы папский посланник поскользнулся, – и, сдержнув с голов шапки, почтительно выстроились вдоль борта. Помощник шкипера первым скатился на берег и теперь переругивался с хмурым бородачом в форме таможенной службы, возмущенно пыхтя, отирая со лба пот и тыча кривым пальцем назад, в сторону корабля. Бородач невозмутимо слушал, качал головой, вставлял ленивые реплики, вызывавшие очередной взрыв жестикуляции моряка.

Епископ в распахнутой волчьей шубе неторопливо спустился по трапу, небрежно кивнув на прощанье шкиперу. Слуга в фиолетовой рясе монаха-молчальника тащил за ним

объемистый багаж. На берегу епископ величаво обернулся и картинно, в полный мах, благословил корабль и экипаж. Матросы радостно зашумели, шкипер перевел дух. Тем временем аргументы помощника капитана (а может быть, скалоподобная фигура епископа) возымели наконец свое действие, и бородатый таможенник, пожав плечами и что-то бормоча себе под нос, скрылся в одном из приземистых деревянных домов, стоявших у пирса.

Из-за крайнего дома показалась четверка добротных гандских вороных, запряженных в изящную черную карету. Возница лихо осадил лошадей, спрыгнул с облучка, закинул поклажу и почтительно распахнул перед епископом дверцу с эмблемой Святой миссии. Одарив на прощание гавань неприязненным взглядом, епископ отправился в путь.

Карета мягко покачивалась на рессорах. Епископ Пардский рассеянно смотрел в окно. *«Заносчив народ. Ишь перед каретой и шапки не ломает. Еще смотрит, наглая рожа. Заелись. Даром что остров у Тиэра в вассалах. Волшебникам, говорят, столица не указ. Живут как хотят. А народ... Народ – зверь: все чувствует. Ох, плохо это...»* – он даже засопел и покачал головой. *– Народ свое место знать должен. Смерд – он и есть смерд, и жить должен как смерд, и думать, как смерд... А лучшие вообще не думать. Все это зараза, вольнодумие, ересь. Того и гляди, с проклятущего острова на всю страну перекинется. Эх, сжечь бы тут все, как в чумные годы. Вот бы хорошо стало. Святость одна и бла-*

голение. Эх...»

Мысли епископа жили собственной жизнью, легко пере-скакивая с одного предмета на другой независимо от воли хозяина. Процесс последовательного мышления доставлял ему тяжкие страдания. Сын небогатых родителей, он окончил монастырскую семинарию только за счет невероятного упорства и прилежания. Архимандрит благоволил к этому высокому кряжистому юноше, видя в его ночных бдениях аскезу. Поэтому, несмотря на скромные успехи, будущий епископ получил свой, хоть и маленький, приход на забытой богом окраине империи. Шли годы. Он неуклонно лез вверх, продвигался в церковной иерархии, противопоставляя уму конкурентов природную хитрость и упрямый, крестьянский напор. И вылез-таки. Но все же выше епископа провинциальной Парды подняться так и не смог. Тиэр – столица Мировой церкви – оставался для него недостижимой мечтой. Свою неудачу епископ объяснял происками завистников и кознями врагов, пребывая в святой уверенности, что сам он достоин большего. И вот теперь, когда он уже почти сдался, церковная почта принесла ему эту недостижимую мечту в коричневом, запечатанном папским перстнем пакете. Папа вызывал его в Тиэр!

Сидя в карете, епископ даже зажмурился и тихонько хрюкнул, вспомнив выражение лиц епископа Саремского и архимандрита Узельского, как нельзя более кстати приглашенных им на вечернюю трапезу. «*Так-то*, – в который раз

самодовольно говорил он себе, — *то-то*. Сколько их, этих прихлебателей, этих умников крутится возле престола, а вот для настоящего дела Папа выбрал меня. Меня, а не этих заносчивых кардиналов. И не эту жирную свинью, прости господи, епископа Тиэрского. Нет. Папа знает, кто чего стоит. Кто просто так, на людях покрасоваться, а кто... кто всю жизнь... без единой жалобы... все для блага Святого престола...» — епископ шумно высморкался в большой полотняный платок, вытер глаза рукавом сутаны. Возложенная на него миссия наполняла сердце трепетом. Он чувствовал себя окрыленным и был готов крушить горы. Папская воля должна быть исполнена, а он должен получить приход поближе к столице. А может, и красную мантию... Епископ перевел дух. «Только бы старик академик не заартачился. Только бы ему, старому пердуну, возжса под хвост не попала. Господи, помоги!»

Когда карета загромыкала по брусчатке Бристо, столицы острова, солнце успело пройти половину пути. У ворот миссии епископа встречал отец-посланник. Звали его Захария, но свое латское происхождение он полностью искупил преданностью и служебным рвением. Лицо его выражало почтение вкупе с тревогой — с чего это пожаловала имперская птица на уединенный остров? Впрочем, во время обеда он совершенно успокоился, узнав, что приезд епископа к нему лично и к делам миссии никакого касательства не имеет. Захария оживился, просветлел лицом и даже рассказал

несколько забавных, но приличествующих сану гостя историй из жизни острова. К немалому разочарованию епископа, отец-посланник ничего не мог сказать ни об Академике, ни о самом Университете волшебства. *«Что вы, ваше преосвященство, куда там... Меня и на порог не пустят. Нет, конечно, упаси господь, — испуганно зачастил он, — никак не в ущерб или умаление церкви! Папу волшебники чтят... Но моя-то миссия все больше светских властей касается. А праздню любопытствующих волшебники не любят. Вот если, к примеру, пожелаете о бургомистре послушать — это пожалуйста, все что угодно».* Но бургомистр епископа не интересовал. Сытный обед, услужливый отец-посланник — все это привело его в самое благодушное настроение. Ему льстила та легкость, с которой он получит аудиенцию академика, особенно в свете рассказа отца Захарии. Подобно луне, епископ Пардский нежился в лучах славы Папы, считая их собственным сиянием. Распорядившись послать кого-нибудь в Университет с известием о его прибытии, епископ прошествовал в отведенные ему апартаменты. Когда же служба возвратился с ответом, вся миссия ходила на цыпочках, шикая друг на друга: его святейшество уснул...

Утро выдалось мягким и безветренным. Выпавший за ночь нежный, пушистый снежок еще не успел превратиться в бурое месиво, и город сверкал чистотой, сбросив сразу добрые 500 лет. Над островерхими крышами курились дымки – хозяйки разводили огонь, готовили завтрак. Часы на ратушной площади отбили семь. Груженные крестьянские сани тянулись от городских ворот к рыночной площади. Возницы уныло глядели на спешащих за покупками служанок в теплых пуховых платках – обоз припозднился, все лучшие места на рынке были заняты с ночи. Придется сбывать товар за дешево... Пекари первыми открывали свои лавки – по городу плыл аромат свежей сдобы. Колокола церкви Святой миссии нежно пропели утреннюю молитву, но лишь немногие горожане осенили себя святым крестом: столица волшебников относилась к вере спокойно, если не сказать равнодушно. Едва поднявшееся над горизонтом солнце просвечивало сквозь ажурные черные шпили Университета, возвышавшегося на восточной окраине города.

Епископ Пардский стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на город. Миссия находилась на возвышенности, и поэтому Бристо был виден как на ладони. Город напоминал ежа, ошетилившийся рядами черепичных крыш, тесно прижимающих друг к другу. Бристо процветал. Это было видно

по тем же крышам. В Парде крыши давно потемнели от времени, на их замену ни у кого не было денег. А здесь – веселые оранжевые островки пламенели из-под снега повсюду, заливая окраины рыжим огнем. Город рос. Но над его улицами и домами угрюмо, как казалось епископу, нависали грозные башни логова магов, вонзая в незащитное небо острые черные шпильи.

Издали, с Континента, порученная миссия казалась ему несложной. Сейчас, глядя на шпильи, перечеркнувшие солнце, он думал иначе. Епископ хмурился, рассеянно барабанил пальцами по толстому свинцовому стеклу. В дверь робко постучали... И верно, пора за стол. Он вздохнул, расправил плечи – ни к чему посторонним видеть его сомнения – и, упрямо выпятив подбородок, направился в трапезную.

Завтрак прошел в молчании. Отец-посланник острым чутьем ревностного служаки почувствовал состояние епископа и старался быть как можно незаметнее. Поднявшись первым из-за стола, епископ приказал закладывать лошадей. Академик, как и сам епископ, оказался ранней пташкой – встреча была назначена на утро.

Около девяти часов карета епископа остановилась у высоких ворот. Университет волшебства был окружен стенами, достигавшими двадцати футов высоты. *«Темнят волшебники, – подумалось епископу, – значит, есть что скрывать».* Кучер забарабанил в ворота. В них приоткрылось небольшое переговорное окошко. Кучер сказал в него несколько слов,

многозначительно скосив глаза на карету. Вопреки ожиданиям ворота не раскрылись. В них приоткрылась небольшая дверь – как раз одному человеку пройти. У епископа даже в глазах потемнело от такой наглости. *«Ну... я ж вас... Я ж вам это припомню... Вы у меня еще попляшете...»* Но делать было нечего. Он пинком распахнул дверцу кареты, не дожидаясь помощи оробевшего кучера, спрыгнул на дорогу и, багровый от злости, неуклюже, по-медвежьи, протиснулся в дверь.

Во дворе младшие ученики играли в снежки. От сверстников их пока отличали только форменные мантии и темные костюмы. Не было в них еще той плавной грации движений и цепкости взгляда, которые позволяют безошибочно распознать волшебника среди простых смертных. По ту сторону ворот епископа уже поджидал невысокий худой человек в синем камзоле с серебряным шитьем. На узкие плечи он накинул легкую синюю мантию, как будто и не зима стояла на дворе, а осень. При виде епископа его вытянутое лисье лицо попыталось изобразить радушную улыбку, но острые, глубоко посаженные глазки быстро ощупали гостя, проникая, казалось, в самые потаенные мысли. Это был Аргнист, старший преподаватель клана прорицателей. (Сведущий человек сразу узнал бы его по темно-синему с серебром цвету клана и серебряной цепи ментора.) Волшебник отвесил легкий поклон, представился и пригласил священника следовать за ним.

«Ишь ты, хитрая бестия, – раздраженно думал епископ, – ведь специально не надел шляпу, чтоб передо мной не снимать. Унижаться, значит, не хочешь? Дай-ка я еще раз на твою физиономию погляжу, чтоб не забыть».

Аргнист вел епископа по лабиринту узких проходов между высокими зданиями Университета. В проулках было сумрачно, тихонько завывал ветер. Другому стало бы здесь не по себе, но епископ был сделан из грубого, прочного материала и смутить его было сложно. Внезапно проход расширился, и спутники вышли на небольшую внутреннюю площадь. Здесь было тихо и сонно. Прямо перед ними возвышалась резиденция академика. Это ее темные башни виднелись из окна миссии. Отсюда они казались зазубренными утесами, о которые бессильно бьются тяжелые валы времени.

Вблизи резиденция академика произвела на епископа еще более неприятное впечатление, чем из окон миссии. Он представил себе ссохшегося высокого старика с длинным крючковатым носом, одетого в черную развевающуюся мантию. Старец нависал над пергаментной картой мира, сверля ее взглядом запавших глаз, и трясущимся желтым пальцем выводил на ней какие-то богомерзкие письма. Епископ перердернул плечами. *«Вот оно, гнездо осиное, ересь и богохульство, – гневно думал он, – отрада Нечистого».* Аргнист потупил пронизательный взгляд и распахнул перед епископом тяжелые двойные двери.

Вход вел в сводчатую галерею, которая шла вдоль левой

стены резиденции. Ее заливали косые лучи утреннего солнца, проникающие сюда через высокие окна с разноцветными витражами. Епископ пригляделся. Витражи изображали исторические сцены. На первом из них был Орест Тиэрский, дарующий жизнь коленопреклоненному Джассе – богопротивному гандскому королю. *«А произошло сие событие в... – епископ напрягся, но дату так и не вспомнил. – Ну и бог с ней».* Одобрительно кивнув головой, он пошел дальше. Черты его разгладились: *«Правильный Витраж. Пусть волшебники не забывают, кто здесь хозяин. Тиэр и не таким хребты ломал».* Настроение епископа, колеблющееся между отвратительным и пасмурным, несколько улучшилось. Аргнист подждал его возле большой круглой ниши в западной стене. В ней располагалась незаметная дверь, по обе стороны от которой возвышались неподвижные фигуры в длинных белых балахонах, подпоясанных золотыми обручами. Стражи были высоки, черноволосы. Раскосые глаза и желтоватая кожа выдавали в них туэльванов. Епископ впервые по-настоящему удивился. Во всем Тиэре наемников-туэльванов могли позволить себе лишь Святой престол, стратег и монарх. Менее всего он ожидал увидеть их здесь. В руках туэльванов, разумеется, не было оружия. Они сами были оружием. Аргнист ужом скользнул внутрь, вернулся, приоткрыл дверь и с поклоном пригласил епископа войти.

Академик оказался вовсе не таким уж старым и совсем невысоким. На вид ему было лет пятьдесят – пятьдесят пять.

Коричневый с золотом замшевый камзол, щеголеватые остроносые полусапожки из мягкой кожи и светлые облегающие лосины. Изящная короткая борода клинышком гармонировала с короткой стрижкой, пронзительным взглядом близко посаженных карих глаз и орлиным (все-таки!) носом. При виде епископа его тонкое лицо осветилось вежливой радостью. В изысканных выражениях он пригласил гостя располагаться, бросить шубу на диван, подвинуться к камину – одним словом, академик был воплощением гостеприимства. Епископ в тон ему отвечал, что не стоит беспокоиться и что он премного благодарен любезному хозяину. *«Как бы не так, – думал при этом епископ, – рад ты меня видеть. Ну-ну. Посмотрим, подыграем. Ишь рассыпается мелким бесом»*. Он сел в глубокое лоснящееся черное кресло, вытянул к огню ноги. Академик расположился в кресле напротив, изящно положив ногу на ногу, и обворожительно улыбнулся. Его повадка и внешность были присущи в большей степени придворному из свиты монарха, чем главному магу мира. На какое-то мгновение епископ даже засомневался: а не дурчат ли его волшебники? Может, это просто подставушка, шут гороховый, а настоящий академик сейчас наблюдает за ним из потайного места, потешается. Но нет. Поднаторелый взгляд епископа сразу заметил в глазах собеседника тот особый отблеск, который может сравниться лишь с блеском булатного меча – бесстрастного и неумолимого. Такой человек не получает приказы – он их отдает. Академик, скрываясь за

любезной личиной, тоже изучал епископа, гадая, почему Папа доверил посольские обязанности этому огромному неотесанному мужлану. Академик понимал, что Урбан V затеял какую-то игру, и ему вовсе не хотелось принимать в ней участие, не зная ее смысла. Отдав дань взаимным вопросам о здравии, епископ счел требования этикета соблюденными и со свойственной ему прямоотой перешел к делу.

– Как вы понимаете, любезный... э-э...

– Академик Дерпент, – напомнил маг.

– Да, академик Дерпент. Миссия, порученная мне его святейшеством папой Урбаном Пятым, весьма и весьма серьезна. – Он сделал многозначительную паузу. Академик внимательно слушал, подавшись вперед.

– Поручение это довольно деликатного свойства, и поэтому Папа обратился ко мне, не доверяя, как я полагаю, своему окружению. – Академик едва заметно кивнул, как бы понимая и одобряя выбор Папы. – Окрыленный первым успехом, епископ продолжил: – Как вам, разумеется, известно, Папа олицетворяет всю Мировую церковь и на нем лежит вся полнота ответственности.

Такому стилю изложения епископ научился еще в семинарии, применяя его в тех случаях, когда предмет был заучен плохо, а экзаменатор попадался суровый. Он мог говорить часами, преподнося прописные истины таким тоном и с таким видом, что собеседник поневоле проникался к оратору доверием. Епископ полагал, что это сработает и сегодня.

Но академик по-прежнему молчал, выказывая тем не менее глубочайшее внимание. Священник не знал, как перейти к главному, не умаляя при этом достоинства Папы. На лбу его выступил пот.

– Э-э, так вот... Он сбился с мысли под взглядом академика, но овладел собой и продолжил: – Поскольку обязанности Папы велики, часть из них он вынужден перекладывать на своих наиболее доверенных подчиненных. *«Черт тебя задержит, ты так и будешь сидеть истуканом?»* Это разумно, не правда ли?

– Безусловно. Это очень разумно.

– Все эти подчиненные – люди достойные, скромные, честно трудящиеся на благо Церкви и Господа. А некоторые из них просто незаменимы. – Епископ скромно потупился. – Поэтому папа Урбан заботится о здоровье таких людей превыше всего. Но, видите ли, любезный... э-э... академик Дерпент, иногда наша медицина бессильна и... такой человек может оказаться на краю могилы, несмотря на все усилия лекарей.

Священник умолк и удрученно взглянул на академика. Волшебник сочувственно покивал, поджав тонкие губы.

– Это в высшей степени прискорбно, ваше преосвященство, но я не совсем понимаю, как это связано с моей скромной персоной. – Он обезоруживающе улыбнулся и развел руками.

«Понимаешь. Все ты прекрасно понимаешь. Дурачка-то,

наверное, на твое место не посадили бы. Хочешь, чтоб просили тебя, умоляли. Выше Церкви подняться хочешь...» – епископ титаническим усилием выдавил любезную улыбку.

– Ну как же, мессир академик, посудите сами. Все мы в воле Господней, не правда ли?

– Полностью с вами согласен.

– Таким образом, поскольку лекарства оказались бессильны, значит, Господь в мудрости своей видит другие пути к исцелению этого человека.

– Простите мне мое непонимание, ваше преосвященство, я, конечно, не ученый-богослов, но... Может быть, Господь желает присоединить этого человека к своему небесному воинству?

Епископ со вздохом покачал головой, как бы сожалея о той пропасти неведения, в коей пребывал его именитый собеседник.

– Э-э, ваша светлость, вот тут-то вы и не правы. Совсем не правы. Это я вам как ученый-богослов скажу. Вот, судите сами: у волшебников Дар от Бога?

– Безусловно.

– Значит, Всевышний дал его вам для каких-то своих целей?

– Совершенно верно.

– Ну вот видите. Если Волшебный Дар служит целям Всевышнего, то как вы можете утверждать, что исцеление этого необычайно важного для Папы человека не есть такая цель?

А вот если и вы окажетесь бессильны, то тогда уж действительно. Тогда и я с вами соглашусь – этому человеку действительно пора присоединиться к Создателю. – Епископ сложил руки на могучей груди и с видом глубочайшего смирения устремил взор к небу. – Более того, – он заговорщицки понизил голос, наклонившись к академику и поманив его пальцем, – это личная просьба самого Папы. Понимаете? *Личная*. – Он перевел дух и откинулся на высокую спинку, не сводя с собеседника многозначительного взгляда. Академик вскочил и, заложив руки за спину, принялся ходить по кабинету. Епископ, повернувшись в кресле, наблюдал за ним. Казалось, внутри академика происходит молчаливая борьба. Он что-то бормотал себе под нос, порывисто взмахивал руками. Наконец он вновь сел, точнее, нырнул в кресло. Епископ снисходительно смотрел на него. *«Испугался? То-то. Это тебе не фейерверки из посохов пускать. Со мной... то есть с Церковью, шутки плохи»*.

– Верите ли, дорогой епископ, я просто в совершеннейшей растерянности. С одной стороны, я, безусловно, преклоняюсь перед величием личности папы Урбана. Кроме того, на меня произвело огромное впечатление ваше ораторское искусство, но... – он тоже перешел на шепот, округлив глаза. – Не все так просто. У волшебства тоже есть свои законы. Я не могу просто так их нарушить...

– Личная просьба, – еще раз с нажимом повторил епископ.

– Я понимаю. Но, видите ли, вы же не можете, скажем, заставить камень падать вверх, даже если это будет личная просьба... Вы согласны?

– Но ведь *вы* можете.

Плечи академика поникли. Его лицо выражало самое искреннее сожаление.

– Поверьте, дорогой епископ, если бы я мог... даже не по личной просьбе его святейшества, а только из расположения к вам... Знаете что, – его лицо просияло, – давайте прогуляемся в моем зимнем саду. Там и продолжим нашу беседу. А затем я приглашаю вас отобедать. У нас, – добавил он с гордостью, – отменные повара. Я сомневаюсь, что такое подают даже в самом Тиэре.

«А что, – подумал епископ. – Это можно. После хорошей трапезы всякий сговорчивей становится. Не может быть, чтоб я этого мозгляка не уломал. Ведь может, нюхом чую, может, только артачится». Епископ согласился.

Ближе к вечеру совершенно очарованный обходительным хозяином и изысканностью стола епископ в сопровождении почетного караула нетвердыми шагами покинул территорию Университета. Продрогший, голодный возница радостно посадил его Преосвященство в карету и, чмокнув губами, погнал лошадей к миссии. *«Да... – думал епископ, развываясь на сиденье. – Такого, поди, и кардиналы не едали. А вино! Какое вино! И академик этот – милейший человек, хоть и тряпка. Он во мне сразу силу почуял, так и сказал... Как*

же он сказал-то? Ловко так... А вот: преступление, – епископ погрозил пальцем воображаемому оппоненту, – такого человека держать в этой... в провинции. Верно, преступление, я тоже так думаю. А отца-посланника правильно не допускают... нечего ему... вот еще, всякую мелочь за стол сажать. Эх, что за законы у этих волишебников... дурацкие законы. Вот если бы я был волишебником... Тьфу, чур меня! Я бы всех, в бараний рог, вы у меня... я вас... – епископ погрозил противоположной стенке кулаком. Внезапно он засопел, всхлипнул, вытирая глаза широкой ладонью. – Вот только, черт возьми... Что я теперь скажу Папе?...»

– Ваше мнение, Аргнист.

– Папа мог бы найти посланца получше.

– А если не мог?

– О чем вы говорите? Этот епископ – законченный кретин.

– Для некоторых дел кретин предпочтительнее мудреца.

Аргнист удивленно поднял тонкие брови.

– Например?

– Знаете, в чем главное достоинство нашего гостя?

– В размерах.

– Хлестко. Нет. Главное в том, что он верит, а веруя, не думает. Вот вы умеете не думать, Аргнист?

Академик откинулся в кресле, заложив руки за голову, и чему-то рассеянно улыбнулся. Аргнист не стал отвечать. Он хорошо знал эту позу академика. Собеседник требовался ему только для направления собственных мыслей. Потом наступала отрешенная пауза, а затем... как правило, не следовало ничего. Но иногда всю следующую неделю главы кланов, магистры и менторы ожесточенно спорили, обсуждая очередное озарение главы Университета. Аргнист уютно устроился в уголке своего кресла, обхватив руками острые колени, и стал ждать.

– Знаете, Аргнист, а ведь мне не знаком такой человек,

ради которого Урбан снизошел бы до просьбы.

– Мне тоже, мессир.

Неземные голоса, казалось, проникали в самую душу. Отражаясь на головокружительной высоте от распалубок свода, нервюр⁴, таинственно отдаваясь эхом в трифориях⁵, скользя по витражам стрельчатых окон, звук обволакивал храм, приходя ниоткуда, а значит, отовсюду. Казалось бы, вот он, хор, на возвышении в конце главного нефа. Но мнится, что не человеческие голоса тревожат душу, а глас самого Собора, а люди лишь стоят далеко внизу, беззвучно открывая рты, пораженные и приниженные его гордым величием. Урбан V, глава Святого престола, Папа Мировой церкви, сидел на крайней скамье центрального нефа, ощущая боком мертвящий холод колонны. Каждый раз, внимая хору, дух его, казалось, покидал тело, отдаваясь течению молитвы. Душа наполнялась восторгом, и он плыл в волнах звуков, чарующих и рвущих сердце. Впервые попав в храм еще в раннем детстве, он сразу и навсегда уверовал, что именно в этом его удел. Предчувствие не обмануло семилетнего Вацлава. Магический Дар в нем так и не прорезался, и это открыло перед ним двери в семинарию.

Урбан сидел, стараясь быть незаметным, положив крупную голову на руки, опиравшиеся о спинку переднего ря-

⁴ Нервюр – арка из тесаных клинчатых камней, укрепляющая ребра свода.

⁵ Трифорий – арочный проём из трёх и более частей.

да. Глаза его были закрыты. Хористы не видели его. В этот утренний час, когда в соборе нет ни души, хор звучит особенно чисто и проникновенно. Урбан сам издал указ о светлом утреннем богослужении – у него тоже были свои слабости. Человеческий голос всегда казался Урбану самым совершенным творением Всевышнего. Если не открывать глаза, можно услышать в многоголосии хора, отраженном в сводах нефа, шум ветра, рокот волн... Может быть, поэтому слово «неф» происходит от *navis* – «корабль»?...

Внезапно резко накатила тошнота, пульсирующая боль, расшвыряв мысли, ворвалась в голову, ударами пульса отбивая в висках свой жестокий ритм. *«О боже, только не сейчас, не здесь... только не в храме... о-о...»* Он, сгорбившись, привстал, стиснул голову руками и с глухим стоном метнулся за колонну нефа, к спасительной двери. Голоса хора, странно исказившись, визжали и скрипели ему вслед.

Когда дверь за Папой захлопнулась, из сумрака, заполнявшего дальний угол бокового нефа, показалась фигура человека в красной кардинальской мантии. На лице его лежала привычная маска смирения, но по губам змеилась легкая усмешка, а в глазах читалось злое, ничем не скрываемое торжество.

Папа Урбан склонился над мраморной раковиной умывальника. Его рвало желтой с зеленью горечью. Руки дрожали, на лбу выступил холодный пот, пол уходил из-под ног. Он запачкал драгоценную, с богатым золотым шитьем далматин-

ку⁶. Подняв ее край, Урбан вытер белые губы. Боль ослабляла свою хватку. Скоро от нее останется только головокружение и выматывающая душу слабость. Надо пойти переодеться... слуги не должны знать... никто не должен знать. Пошатываясь, опираясь о стену, он поволок непослушное, тяжелое тело в спальню. *«Академик, будь ты проклят... Ничего ты не понимаешь... Дурак. Проклятый дурак»*. Ему постепенно легчало. Скорее инстинктивно, чем осознанно, он переводил свою боль, свою беспомощность, свой бессильный протест в гнев. Эмоции придавали ему силы, вливая жар чувств в истерзанное недугом тело. Он не привык быть слабым.

Болезнь накинута на Урбана внезапно, как лев накидывается в Гандской пустыне на зазевавшегося караванщика. И, как лев, она стремительно пожирала его. Еще никто не знал о его болезни, но сам Урбан чувствовал приближение неминуемого конца. Приглашенный вчера лекарь – глава гильдии – изменился в лице, выслушав жалобы и осмотрев Папу. На обратном пути лошадь взбрыкнула и сбросила лекаря прямо под колеса случайного экипажа. Бедняга свернул шею. Никто не должен знать. *«Академик... напыщенный, глупый индюк. Да разве я стал бы унижаться и просить по пустякам?! А ты посмел мне отказать. Но нет... ты не глуп. Это было бы слишком просто. Нет...»* Он скинул вонючую далматику, швырнул ее в камин. Надев свежее аро-

⁶ Далматика – верхняя расшитая риза.

матное белье и чистую Альбу⁷, он почувствовал себя почти хорошо. *«Ты все понял... все. И все равно посмел мне отказать. Потому что для тебя, бессмертный недоносок, мы все – тени. Призраки. Бабочки-однодневки. Для тебя мы несущественны. Но ничего... Видит Бог, я не хотел этого. Я даже обратился к тебе с просьбой. Я. С просьбой. А ты не захотел. Хорошо, будь по-твоему. Я знаю, что тебе дороже всего. Что для тебя важнее всего. Важнее даже твоей хитрой вечной жизни. И я разрушу это. Manu propria⁸. И тогда ты приползешь ко мне. Ты отдашь все, лишь бы не лишиться этого. А я назначу цену. Господь свидетель, если бы ты не отказал мне...»* Боль забила в какой-то дальний угол, сердце перестало метаться в груди. Мысли Урбана постепенно приобрели обычную холодную отточенность. Твердым шагом он вышел из спальни. Академик сам накликать на себя беду. Святой престол слишком долго терпел. Теперь главное, чтобы хватило времени. Он вошел в приемную, резко дернул за шнур с кистью на конце. Где-то мелодично прозвенел колокольчик. Не прошло и полминуты, как в дверях появился монах-молчальник в фиолетовой рясе.

– Пригласите ко мне кардиналов Сириция, Сикста и Илария. Приготовьте гонцов в Гоэр-Лат, Ганд и Шуи.

Монах склонил голову и, пятясь, удалился. Вдали послышались голоса. Вскоре в прихожей за бархатными портьера-

⁷ Альба – длинное белое литургическое одеяние.

⁸ Manu propria.(лат.) – «собственноручно».

ми слышались нестройные шаги, шумное дыхание — вошедшие явно хотели продемонстрировать Папе свое рвение. Покорно опустив головы, перед Урбаном, занявшим к тому времени свое кресло, предстали кардиналы. Лица их выражали безоглядную преданность Святому престолу, и лишь в глазах кардинала Сикста можно было, основательно приглядевшись, прочесть жадное, хищное любопытство. Но к нему никто не приглядывался.

Снег сухо скрипел под ногами. Калеван кутал длинный нос в колючий шарф. Чертыхался про себя. Ветер стегал по лицу острой снежной крошкой, свистел в ушах. Давненько старый Словин, столица Шуи, не мерз так, как в эту зиму. Редкие прохожие старались побыстрее юркнуть в лавку или кабак. Трактирщики потирали руки и возносили хвалу Творцу. Счастливые обладатели низеньких мохнатых лошадок кутались в меха, выглядывали из затянутых морозным узором окошек карет. Калеван провожал кареты печальным взглядом. *«Скорей бы вернуться домой, посидеть вечером у камина. Просто посидеть, посмотреть на танец огня, послушать потрескивание поленьев»*. В такие зимы ему особенно остро вспоминался родной знойный Шей-хе, его пальмы и песчаные пляжи. Его нежная зима, превосходившая самые смелые мечты словинцев о лете. Что говорить, даже зимы, проведенные в стенах Бристоцкого университета, он вспоминал с тоской. Угораздило же его вытянуть Словин... За пять лет, прошедших после окончания Университета, Калеван так и не смог свыкнуться с местным климатом. Зато он всем сердцем полюбил местных жителей. Солидных, неторопливых людей, ценивших более всего в жизни порядок и благочестие. Шуи был небольшим государством, занимавшим Волчий остров – самую северную оконечность Кон-

тинента. Даже летом к его побережью подходили огромные дрейфующие ледяные горы, распространяя на мили вокруг свое ледяное дыхание. Внешний океан в этих широтах был мрачен и гневлив. Зато такой рыбы, как здесь, не водилось нигде. На ней держалась вся шуиская торговля. Калеван возвращался из книжной лавки. Это была уникальная лавка. Даже в Тиэре, где он в студенческие годы бывал неоднократно, не встречалось таких удивительных, таких редких книг. Часть из них была на неизвестном волшебнику языке. Удивителен был и сам владелец лавки – крошечный сморщенный человечек с большой лысиной, вокруг которой испуганно теснился какой-то цыплячий пух. Звали его тоже странно: Доненциммер. Калеван не знал, из какого языка это имя, но спросить как-то не решался. Старик не просто продавал книги – он их боготворил. Но, конечно, и странностей у него хватало. Доненциммер всегда казался чем-то напуганным. Вот и сегодня он таинственным шепотом посоветовал Калевану покинуть остров. *«Пока не поздно, пока не поздно»*, – повторял старик задыхающимся голосом, страдальчески приподняв светлые кустики бровей и умоляюще глядя на Калевана. Однако холодно... Калеван понял, что заплутал и огляделся вокруг, выискивая вывеску какой-нибудь харчевни. А вот и она. Ему повезло – он вышел к *«Треске в тельняшке»*. Калеван частенько заглядывал сюда. Хозяин, старый Глоско, когда-то сам ходил под парусом. Но годы взяли свое, и он перекачывал из-за штурвала за стойку, не потеряв, впрочем,

ни веселого нрава, ни капитанских привычек. Кухня, надо сказать, у старого моряка была отменная. Вот и сейчас молодой волшебник затрепетал, учуяв своим длинным носом запах великолепного жареного палтуса и запеченной картошки. Калеван понял, что без палтуса он дальше не пойдет. Одной придерживая рукой мохнатую шапку, а другой прижимая к телу драгоценный фолиант, спрятанный под шубой, он пригнулся и нырнул по скользким ступенькам вниз, в уют и чад харчевни.

За выскобленными дубовыми столами сидело десятка два завсегдатаев. За стойкой хозяин о чем-то беседовал с двумя матросами. До весны было еще далеко, и вся морская братия по вечерам отчаянно маялась от безделья, пришвартовываясь поочередно ко всем городским кабакам. Под низким сводчатым потолком висело на цепях тележное колесо, на ободе которого горело с десятков площадок с маслом. Было душновато, но тепло. Когда Калеван скинул шубу, под которой с гордостью носил красный камзол с вышитыми созвездиями, воцарилась тишина. Калеван почувствовал открытую недоброжелательность. Как и все шэихи, Калеван был эмпатом. Он легко ощущал эмоции окружающих. Такого с ним не случалось никогда. Его словно зажала в тиски чужая злоба, смешанная с гневом и брезгливостью. И исходила она со всех сторон. Может быть, старый Доненциммер был не так уж и не прав?...

– Смотрите-ка, какая рыба к нам заплыла! – раздался пер-

вый голос, и сразу, будто по команде, харчевня наполнилась грубыми каркающими голосами.

– Эй, носатый, сколько сегодня годков прикарманил, а?

– А может, ему уже... это... пятьсот лет?... Во, видал, как он на меня зыркнул? Точно пятьсот.

– У-у-у, кровопивец проклятый!

Калеван был совершенно сбит с толку. Ему казалось, что он видит какой-то кошмарный, нелепый сон. Неужели это те самые люди, с которыми он так мило беседовал, которые раскланивались с ним при встрече, которым он помогал (и брал совсем немного, не в пример другим), с которыми он прожил бок о бок все эти годы? Со всех сторон на него смотрели искаженные ненавистью лица, перекошенные рты брызгали слюной, извергая проклятия в его адрес. Калеван ничего не понимал.

– Братцы, а ведь он меня пользовал этой осенью! – завопил вдруг невзрачного вида человек в меховой фуфайке, со включенными, непонятного цвета волосами и блеклыми голубыми глазами. Калеван пригляделся. И верно. Это же портной Цефик, живший за два дома от него. Осенью он действительно лечил его от страшных чирьев, окидавших беднягу на почве неопрятности и страсти к бутылке. Тогда Цефик был тих, смотрел с собачьей преданностью, порывался целовать руки. Калеван даже не взял платы – пожалел семью, едва сводившую концы с концами после запоя портного. Сейчас Цефик был пьян и болезненно возбужден. Он бес-

порядочно жестикулировал и все время порывался влезть на стол.

– И ведь денег взять не захотел! – вдруг вспомнил Цефик, и глаза его испуганно округлились.

– Ты сколько же лет у меня украл, душегуб?! – завизжал он, бросаясь к Калевану с кулаками. Толпа сочувственно загудела. И Калеван понял, что так просто ему отсюда не уйти. Или он утихомирит эту... этих людей, или его просто разорвут на клочки.

– Эй, вы! Да, вы все! Вы что, решили устроить драку? У МЕНЯ? Заткни пасть, Цефик, пока я не выкинул тебя отсюда. Вы этого хотите? – Глоско выпрямился во весь рост за своей стойкой, упер огромные кулаки в бока. Монолитная толпа, внезапно ощутившая себя состоящей из отдельных людей, неохотно, огрызаясь, садилась на свои места, глядя на Глоско со смесью страха и уважения – коктейлем, способным отрезвить самые буйные головы. Глоско мог одним ударом свалить быка и запросто гнул королевские талеры двумя пальцами. Но Цефик, совершенно потерявший голову от страха и выпивки, уже не мог остановиться. Он подскочил к Глоско и, глядя на него снизу вверх, заверещал:

– А он тебе что, брат, а, капитан Глоско? Ты что, с ним заодно? А, капитан Глоско? Может, он и тебе пару – другую годочков подкинул?

Народ глухим ворчанием поддержал его. Гигант окинул их внимательным взглядом. Он не был бы капитаном, если

бы не умел трезво оценивать последствия своих поступков. Сейчас в его харчевне назревал бунт. Можно было бы, конечно, одним ударом вколотить плюгавого заморыша в доски пола, но многие капитаны после этого исполняли последний танец на рее, а их добрые матросы уходили на вольные хлеба, подняв черный флаг. Поэтому на этот раз Цефик остался цел и невредим. Глоско откашлялся, собираясь с мыслями. Калеван все еще стоял, не смея пошевелиться. Он чувствовал, что, если он попробует ускользнуть, вся свора с воем кинется за ним. Использовать же на живых людях боевое волшебство ему претило. Он верил Глоско и решил обождать. Тем временем Глоско вышел из-за своей стойки и заложил ручки в карманы фартука. Цефик испуганно отпрянул и плюхнулся на ближайшую скамью.

– Я что-то не понимаю, – громогласно начал Глоско. Он не повышал голоса, но человек, простоявший двадцать лет за штурвалом, не может говорить тихо. – Многих из вас я знаю долгие годы, и что же я вижу? Что я вижу, Бенс?

– А что? – с вызовом ответил названный Бенсом широкоплечий рябой детина с рыжей густой шевелюрой.

– Скажи мне, Бенс, кто не дал команде «Сокола» сожрать друг друга, когда корабль сбился с курса и целый месяц мотался у Гиблых льдов? Это был ты, Бенс. – Народ одобрительно зашумел.

– А ты, Сенж? – Глоско не делал пауз. Он завладел инициативой и не желал ее упускать. – Вспомни, я сам видел,

как ты отказался от своей доли в улове Гнилого Зуба, потому что он ловил не на своем участке. Сколько ты потерял тогда, пятьдесят талеров?

– Восемьдесят, Глоско, восемьдесят! – ответил улыбающийся крепыш с широкой бородой лопатой. – Но мы не понимаем, к чему ты клонишь.

– Я клоню? Я говорю прямо. Я не узнаю вас. Все вы честные, добрые парни. – Народ загудел, застучал кружками по столам. О Цефике, да и о Калеване, уже никто и не вспоминал. – Вы все, как вот Бенс и Сенж, хотите, чтоб все было по закону. А почему? А потому, что сегодня вы защищаете закон, а завтра закон защищает вас – вот почему!

– Это верно! Это ты в самую точку, Глоско! Это уж точно! – загомонили вокруг.

– И что же я вижу сейчас? Вы бросаетесь на этого малого, чтоб, прости господи, разорвать его на кусочки? А кто из вас подумал, а вдруг все это чепуха? Или не чепуха, но наш-то волшебник тут не при чем?

– Да что ж ты такое говоришь, капитан Глоско? – вдруг заверещал вновь Цефик. – Я же говорю, он меня лечил, а денег не взял!

Но настроение в харчевне уже переменялось. В ответ раздался хохот.

– Нужна ему твоя жизнь, у тебя ж и месяца трезвого не наберется!

– А я, братва, так скажу: брехня все это, чтоб у Цефика

деньги были!

Калеван тихонько, бочком подобрался к стойке. Он по-прежнему чувствовал враждебность, хотя и поутихшую, но не мог уйти, не узнав, что послужило ее причиной.

– Капитан Глоско, видит бог, я ничего не понимаю. Что происходит? Какие годы, о чем они?

– Вот смотри. Читать умеешь? – Глоско подвинул к волшебнику дневную столичную газету. Калеван с недоумением прочитал заголовок: «Тайна долгожительства волшебников открыта! Свидетели утверждают: волшебники силой своих чар высасывают жизнь из тех, кто обратился к ним за помощью!» Что за чушь... «Епископ Словинский отказался подтвердить богоданность Волшебного Дара... Великий алхимик Ренелиус доказал, что эманации волшебных чар вредны для здоровья... Те, кто живет в одном доме с волшебником, умирают раньше...» Глоско, это же полнейший бред! Какие эманации?...

– Откуда мне знать, господин волшебник? Может быть, и бред, а может, и правда. Вот что я вам скажу. Вы моего друга, Ревса Косого, можно сказать, с того света вернули, я это помню. Но другие... Одним словом, мой вам совет – сегодня же собирайтесь, и чтоб духу вашего на острове не было. Санний путь ночью открыт. Наймите добрую упряжку и... деньги есть?

– Есть... – Калеван покраснел от гнева и разочарования.

– Вот и ладно. Завтра их, – он кивнул на посетителей хар-

чевни, – уже ничто не остановит. Так что ступайте с богом.

Он отвернулся. Разговор был окончен. Калеван почувствовал, как к горлу подступают слезы жгучей обиды. Он схватил шубу и, не надевая ее, выбежал из харчевни.

– Итак, Гоэр-Лат, Ганд, а теперь еще и Шуи?

– К сожалению, мессир.

– И там то же самое?

– Почти. Выступления в Шуи были спровоцированы газетной статьей. Обвинения те же, что и в других местах.

– И никакой зацепки? Оставьте, Аргнист, я слишком хорошо вас знаю. Выкладывайте.

– Видите ли, мессир, в статье утверждалось, что епископ Словинский отказался засвидетельствовать богоданность наших с вами способностей.

– Вы обращались в канцелярию Святого престола?

– Конечно. И вот что интересно. В канцелярии мне сообщили, что им вообще ничего не известно о происходящем.

– Понятно. Это, конечно, намек. Наивно считать, что мы не знаем о папской разведке...Кстати, а как тот слуга в коридоре, который сейчас протирает ручку двери моего кабинета?

– Он слышит разговоры о погоде.

Академик скупно улыбнулся.

– Платите Папе его же монетой?

– Стараюсь, мессир.

Хорошо... итак, что у нас есть... В Гоэр-Лате жители столицы поджигают дома волшебников. Причина – некий неиз-

вестный ранее алхимик Ренелиус и его измышления. Кстати, это идея Ренелиуса о краже лет жизни?

– Нет, источник установить не удалось...

– Не удалось? Вам, Аргнист?... Хорошо, оставим. Таким образом, большая часть магов Гоэр-Лата была вынуждена покинуть страну. В Ганде по тем же причинам базарная толпа чуть не растерзала Сагаата. Честно говоря, мне он всегда казался слишком импульсивным. Он ведь из клана Дального действия?

– Да, мессир.

– И он сжег чуть ли не полбазара... Замечательно. В итоге волшебники выдворены за пределы столицы, и я лично едва уговорил шаха не изгонять их из страны.

Теперь бегство наших людей с Волчьего острова... Как вы считаете, Аргнист, что объединяет все эти события?

– Э-э... спланированность и практически полная одновременность событий. И кроме того, нарочитая вздорность обвинений.

– А главное?

– А главное, мессир академик, что Мировая церковь утверждает, будто она не замешана ни в одном из этих эксцессов.

– Я согласен с вашим анализом. И к какому выводу вы пришли?

– Что епископ Пардский, которого мы имели честь принимать две недели назад, совсем не так прост, как нам пред-

ставлялось.

– Нет, Аргнист. Просто теперь мы можем с уверенностью назвать имя *того человека*.

Ментор клана Прорицателей внимательно смотрел в глаза академику. Академик был серьезен и суров. Таким Аргнист не видел его никогда. И даже без магического предвидения он знал будущее. Как бы ни хотелось ему это будущее не знать.

Академик шел по главному коридору дворца Святого престола. Папа сполна отыгрался за унижение своего посланца. Академика два дня продержали в ожидании аудиенции; не позволили взять свиту. Более того, ему деликатно намекнули, что посох волшебника в Святом престоле более чем не уместен.

Приняв все эти каверзы с подлинным стоицизмом, академик дождался назначенного часа и теперь, пользуясь случаем, осматривался. Меж окон белокаменного, украшенного изысканной лепниной, коридора шли бюсты всех пап мира, начиная с Иннокентия III и заканчивая ныне здравствующим Урбаном V. Напротив каждого бюста находилась замурованная дверь. Согласно традиции, каждый папа имел собственную официальную приемную, путь к которой с веками делался все длиннее, что служило причиной постоянной головной боли придворных архитекторов. В самом конце коридора находилась единственная незамурованная дверь. Монах в фиолетовой рясе, ни словом не обмолвившийся со своим именитым спутником, сделал академику знак обождать и скрылся за дверью. Академик усмехнулся – история явно повторялась. Монах распахнул дверь, поклонился, сложив руки на груди, и, шаркая подошвами деревянных сандалий, удалился. Волшебник вошел.

– Закройте, пожалуйста, дверь.

Академик подчинился. Обернувшись, он впервые увидел Папу вблизи. На вид Урбану V было около шестидесяти. Он сидел в белом кресле с высокой спинкой, обессиленно прислонившись к нему спиной. Его волевое, красиво очерченное лицо казалось нарисованным свободными смелыми мазками. Вокруг рта – глубокие упрямыe складки. Взгляд пронзительных синих глаз открыт и благороден. Светлые волосы коротко острижены. Состояние Папы выдавали только бисеринки пота, выступившие на лбу и пульсирующая на виске синяя жилка. Ухоженные белые руки покоились на столе красного дерева. Там же лежало несколько бумаг, придавленных массивным пресс-папье в форме собора, бронзовый колокольчик с ручкой, хрустальный графин с водой и богато инкрустированный кубок. Академик сдержанно поклонился и едва только открыл рот, как заметил изменившееся выражение глаз папы Урбана. Он молчал. Академик коротко кивнул и, сцепив руки перед лицом, прошептал несколько слов. Затем он резко развел в стороны кисти, растопырив пальцы. Едва заметное сияние выскользнуло из его рук, расширилось, надежно заполняя собой каждую щель, каждую трещинку, каждое незаметное отверстие стен, потолка, пола.

– Эффектно, – хрипло заметил Папа. – Но слишком театрально.

– Вы прекрасно осведомлены, Ваше Святейшество. – Академик любезно улыбнулся, готовя следующий комплимент,

но Папа остановил его нетерпеливым движением руки.

– Бросьте, – он как будто выплевывал слова, – почему вы не откликнулись на мою просьбу?

Только теперь академик считал ауру Папы. Очевидно, лицо его выдало.

– Три недели. Если вас это интересует, мне осталось три недели.

Академик судорожно сглотнул и не нашелся что сказать. Папа смотрел ему прямо в глаза, и волшебник чувствовал могучую духовную силу, запертую в этом обреченном теле.

– Вы не ответили. – Чувствовалось, что слова даются Урбану с трудом, но ни жестом, ни стоном он не выдал той мучки, которую терпел. – Я жду.

– Ваше Святейшество... Если это не противоречит вашим убеждениям, я... мог бы снять вашу боль, тогда вам будет легче говорить и...

– Хорошо. Но это не ответ.

Академик коротко кивнул, сосредоточился.

– Понимаете, отключить ваши ощущения было бы не так сложно. – Как опытный лекарь, волшебник сопровождал свои манипуляции объяснением. Его руки плавно чертили в воздухе какие-то непонятные, но странно притягательные для взгляда символы. Воздух под его руками тихо шипел, в нем посверкивали чуть заметные искорки. – Но тогда у вас притупится восприятие, а этого мы с вами допустить не можем... Поэтому приходится применять более тонкие воз-

действия, которые действуют избирательно... Нет-нет, пока молчите. Вы собьете рисунок... – поспешно воскликнул он, заметив, что Папа открыл рот. Урбан недоуменно приподнял брови, но промолчал.

– Вот... остались буквально последние штрихи... Кстати, вот эти искры, которые вы сейчас видите, уже не на зрителя. Мне приходится задействовать довольно большое количество силы, это и порождает разряды... А в первый раз, каюсь, действительно, можно было обойтись без эффектов... Вот и все. – Академик удовлетворенно отступил на шаг, держа руки перед собой и глядя на Папу с тем выражением, какое бывает у художника, только что завершившего полотно.

– Благодарю вас, мессир академик. Вы действительно мастер. – Папа осторожно покрутил головой, потряс ею. К его щекам медленно приливал румянец. – Так что же помешало вам раньше? Кстати, можете садиться. Вот кресло.

– Благодарю, Ваше Святейшество.

Тем не менее академик не сел, а, заложив руки за спину, задумчиво прошелся по кабинету. Урбан ждал.

– Видите ли, ваше святейшество. Короли, шахи – все вершители судеб этого мира рано или поздно умирают. И все они... Точнее скажем, большинство жаждут продления жизни. И требуют его от нас. Если бы мы дали его им, того же захотели бы и вельможи... и так далее, но...

– Мессир, вы отнимаете мое время и истощаете мое терпение. Меня не интересуют шахи и короли. Почему вы не

подчинились *мне*?

– Я понимаю ваше состояние, Ваше Святейшество, но с каких это пор академик Университета должен подчиняться Святому престолу?

– С этого дня.

– И по какому же праву?

– По праву силы.

Академик остановился, удивленно посмотрел на распластанного в кресле Папу и, сев в кресло, закинул ногу на ногу.

– Силы? – вкрадчиво осведомился он. – Вы угрожаете мне, главе волшебников этого мира, силой?... И какая же армия, позвольте узнать, пойдет в бой против Университета волшебства?

Папа жестко усмехнулся. В отличие от волшебника, ему было нечего терять, и он был уверен, что академик это знает. Он чувствовал, что изумление и спокойствие академика – это игра. Он тоже вел игру и был уверен в победе.

– Вы правы, мессир Дерпент, угрожать волшебникам войной... *Horrible dictu*⁹. Ужас Майнхельмской битвы не забыт... и никогда не будет забыт. Но есть другие пути.

Академик округлил глаза, подался вперед.

– Мне бы очень хотелось знать какие.

– Бросьте ломать комедию! – резко бросил Урбан. – Вы слишком много себе позволяете. Известно ли вам, что шах разрешил волшебникам остаться в Ганде только потому, что

⁹ *Horrible dictu* (лат.) – страшно сказать.

я так захотел?

Академик медленно кивнул.

– Что это я велел редактору шуиской газеты напечатать статью, изгнавшую ваших людей из Шуи?

– Я догадывался об этом, Ваше Святейшество.

– Вы умный человек, мессир академик. Да, я не могу разбить вас в битве – это невозможно. Но в моих силах запереть вас на вашем острове. Я могу сделать так, что все люди, во всех странах мира будут произносить слово «маг» со страхом и омерзением. Кто вы будете тогда, вечный повелитель Университета, всесильный владыка карликового острова? – Папа, хватая ртом воздух, откинулся на спинку кресла, его руки судорожно вцепились в подлокотники. Академик молчал, положив подбородок на сцепленные руки. Не поднимая лица, он медленно произнес:

– Два вопроса. Первый: почему вы считаете, что взрастить ненависть к нам так легко? И второй: почему вы не думаете о том, что мы можем ответить?

Папа хрипло рассмеялся. Все шло по плану. Оставалось нанести последний удар. И он его нанес.

– Я уверен, что вы... или ваш фаворит, ментор Аргнист... Он, если я не ошибаюсь, из клана прорицателей? Не отвечайте, это риторический вопрос. Я убежден, что вы просчитали все варианты. Поэтому вы здесь. Но я все же отвечаю. Вы – чужеродное тело. Ваши волшебники никогда не бывают коренными жителями – это ваша ошибка. Но это еще не

все. Ваши люди присвоили себе право долгой жизни, почти бессмертия, но вы отказываете в этом остальным. Вы – люди – возомнили себя богами. Вы присвоили себе право судить, кому жить, а кому умирать, кому помочь, а кому отказать в помощи. Вы сами, своими руками, сделали себя нелюдьми. Поэтому люди откажутся от вас, проклянут вас, дающих скучное волшебство, как жалкий медяк нищему на паперти.

Папа перевел дух, налил в кубок воды, чуть не отбив горлышко графина, выпил быстрыми крупными глотками. Академик смотрел на его дергающийся кадык, и в глазах его читалась какая-то странная отрешенность. – Это ответ на первый вопрос. Теперь второй. Он, собственно, вытекает из первого. Поэтому я скажу коротко: Церковь – это люди, плоть от плоти людей. Церковь страдает их болью, радуется их радостям. Нужно ли еще говорить, мессир академик, Ревиял Дерпент?

Академик закинул руки за голову, вытянул было ноги, но, спохватившись, изменил позу, выпрямился.

– Я внимательно слушал вас, Ваше Святейшество. Безусловно, ваши аргументы впечатляют. Но... *Audiatur et altera pars*¹⁰.

Сколько лет учится послушник в семинарии или духовной академии?

– Мессир академик, я знаю все ваши аргументы. Да, духовное образование занимает десять лет, а волшебное пять-

¹⁰ *Audiatur et altera pars* (лат.) – следует выслушать и другую сторону.

десять и более. Но это знаю я. Важно, что знает народ. А он знает то, что я считаю нужным. Я! И хватит дискутировать. Помолчите! Вы пришли ко мне, значит, вы уже сдались. Вы уже проиграли, месье академик. Поэтому я буду диктовать условия, а вы их примете. Вы поняли меня?

– Хорошо, ваше святейшество. Вы безусловно правы. Но ответьте мне еще на один вопрос, последний вопрос, – поспешно добавил волшебник, увидев протестующий жест Урбана. – В конце концов, я же признаю вашу победу.

Черты Папы смягчились, он чуть заметно расслабился. Чудовищная тень, стоявшая за его спиной все эти недели, исчезла. Урбан почувствовал ни с чем несравнимое облегчение. Но он знал, что следующая битва – за условия – еще впереди. Он вновь заставил себя собраться.

– Хорошо. Я слушаю.

– Итак, вы все продумали. Но неужели вам, отцу церкви, Святому престолу, ваша жизнь дороже, чем благополучие мира? Вы же знаете, какая чудовищная катастрофа образовала этот мир, зашвырнула нас сюда. Оставим другим сказки о Драконе. Он существует только в названии Континента и воображении людей. Вы же знаете, что только волшебники, рассредоточенные по просторам Континента, смогут спасти мир в случае повторного падения. Вы знаете, что мы копим волшебство именно на этот случай и не тратим его зря. И вы готовы рискнуть миром, миллионами, сотнями миллионов жизней ради одной жизни?

– Помогите мне встать.

Академик вскочил, поддержал Урбана под руки. Урбан, шаркая ногами подошел к окну, откинул занавеску, поманил волшебника.

– Идите сюда. Смотрите. Что вы видите там, внизу?

Академик вытянул шею, заглянул Папе через плечо.

– Площадь... площадь Святого престола. Священнослужители, монахи... два кардинала.

– Правильно. Я не такой глупец... и вовсе не такой мерзавец, как вы думаете. Жизнь... дело не в ней. Вам этого не понять, у вас вечность. Церковь – это моя жизнь. Она – жизнь этого мира. Сотни лет мы строили ее – Единую церковь. Вы же должны знать... Много ли осталось от той, первозданной, Святой католической церкви, которая была до падения? Титул Папы, Святой крест. Мы жертвовали формой, мы сливались... И вот она, Единая церковь. Единое тело мира, а Церковь – его плоть, его кровь, текущая во всех странах. Мир без религиозных столкновений, без бесноватых сект... Думаете, триста лет без войн – от вашего волшебства? Нет... Это Церковь. Но мы бываем жестоки. Мы не даем взойти на престол тем, кто представляет угрозу Церкви, а значит, и миру. Мы удаляем заразу, чтобы тело жило.

Волшебник задумчиво кивнул.

– А теперь посмотрите сюда, – продолжил Папа. – Видите? Вот этот, высокий, похожий на куницу, кардинал Сикст. А

этот щеголь – кардинал Теодорих. Стервятники... Мой предшественник сделал роковую ошибку. По его указу кардиналы непосредственно курируют государства. Напрямую я не могу отменить указ – меня просто отравят или зарежут. Теодорих связан с шиэхами, а Сикст курирует Ганд. Если я умру, они устроят драку прямо на моем трупe. Понимаете?! Кстати, вы знаете, что там, в прежнем мире, в тысяча сотом году уже был антипапа Теодорих?... Они разорвут тело Церкви... И все погибнет. Они развяжут новые войны – за Святой престол. Что вы тогда будете делать? Вы, белоручки-волшебники?! Испепелять армии? А они погонят перед строем людей! Тех самых простых людей, о благе которых вы так печетесь! – Урбан вцепился в плечо волшебника холодными пальцами, дыхание со свистом вырывалось через сжатое спазмом горло.

– Что вы сделаете тогда? – вспышка гнева обессилила Папу. Он, шатаясь, добрел до кресла и, если бы академик не поддержал его, рухнул бы навзничь. – Что вы... станете делать?... Прикажете сжечь их?... Вместе с армией... Так кто же из нас... зверь?

– Ваше святейшество. Поберегите силы. Я же признал вашу правоту. Я исцелю вас. Все еще можно вернуть... я уверен, достаточно вашего слова – и смута уляжется. Я исцелю вас, а вы...

– Не-е-ет, мессир волшебник. Вы еще не слышали мои условия. – Урбан тяжело заворочался в кресле, выпрямился. – Вы помните, я сказал... Церковь – это плоть мира. А

кто же тогда Папа?

– Не хочу показаться льстецом, но я бы сказал, что вы – сердце.

– Верно... Но это сердце каждый раз вырывают! И каждый раз Церковь отбрасывается назад. Все рушится!

– Но...

– Никаких «но»! Вам ли возражать? Вы дадите мне не только исцеление. Вы отдадите мне бессмертие. Свое собственное бессмертие.

Вот он, главный удар. Урбан впился глазами в лицо волшебника, не желая упустить ничего. Академик ссутулился, как будто впервые почувствовал на своих плечах титанический груз бесчисленных лет. Но лицо его оставалось бесстрастным. Он некоторое время молчал. Молчал и Урбан, собираясь с силами.

– А если я скажу, что бессмертия нет?

– Я вам не поверю.

– Но ведь менее ста лет назад академиком был Сигурд Латский.

– Человек с *лицом* Сигурда Латского... Сколько вам лет?

Академик пожал плечами: Если вам угодно точно, то двести шестьдесят два.

– А я вижу пятидесятилетнего мужчину. Так должен ли я придавать значение внешнему облику?

– Но это еще не доказательство.

– Мне не нужны доказательства. И вот еще что. Я внима-

тельно изучал летописи Университета. Да-да, у меня есть копии, не делайте такие глаза. И что же я обнаружил? Все указы академиков, все их распоряжения на протяжении многих веков настолько последовательны, так вытекают одно из другого, что издать их мог только *один* человек. Вы.

– Однако цена слишком высока! Я могу отказаться, ведь сейчас уже вы хотите отнять мою жизнь.

– Только что вы говорили мне о благе мира и цене жизни. Или ваша жизнь идет по иной расценке? – Урбан саркастически усмехнулся.

Академик рассеянно кивнул головой, как будто думал о чем-то ином.

– Но так ли необходимо забирать бессмертие у меня, Ваше Святейшество? Ведь...

– Так ли, так ли, мессир маг. – Урбан уже не скрывал торжества. Как заядлый рыбак он чувствовал, что, хотя рыба еще бросается из стороны в сторону и гнет удилище, схватка уже позади. Он подался вперед, опираясь о стол скрюченными пальцами. – Два бессмертных могучих владыки. Подумайте. Рано или поздно мы встанем друг у друга на пути. Нет, один из нас должен быть смертен. До этого дня смертен был я. Теперь роли поменяются. И кстати, умение менять внешность мне тоже необходимо.

Академик, видимо, решил. Он встал, выпрямился во весь рост. Урбан тоже встал с кресла. Сейчас... сейчас все решится.

– Ваше святейшество. Ваши требования тяжелы, если не сказать, непосильны. Поэтому я тоже ставлю условие.

– Слушаю.

– Поскольку я уже не смогу... всегда заботиться об Университете, эту обязанность должны взять на себя вы. Вы, ваше святейшество, – с нажимом повторил он, увидев, что Урбан пытается возразить. – Вы знаете, сколь важна в этом мире роль волшебников. И вы поклянетесь мне. Никогда не злоумышлять против нас. И не допускать злоумышлений третьих лиц. Я же проживу до шестисот лет, чтобы проверить исполнение клятвы. Если вы поклянетесь исполнить *каждый* названный мною пункт, я тоже выполню ваши требования.

У Папы затряслись ноги, и он сел. Хоть все было рассчитано и продумано заранее, и он был почти уверен в победе, она все равно оказалась неожиданной. «*Бессмертен, бессмертен!*» – стучало в голове. «*Бессмертен, бессмертен!*» – колотилось сердце.

– Бессмертен... – чуть слышно прошептал Урбан.

Академик внимательно и спокойно смотрел на Папу.

– Хорошо, месье академик. Я принимаю ваши условия. Клянусь.

– Я принимаю вашу клятву, Урбан Пятый. Но знайте: я накладываю на нее заклятие. Ваше бессмертие и ваша клятва – единое целое. Без *одного* нет *другого*. Нарушите обещание – останетесь без бессмертия.

Урбан сверкнул глазами, сжал кулаки.

– Я дал вам клятву!

– Я знаю. И верю вам. Начнем.

Папа опешил:

– Как... вот тут, сразу?

– Да. Встаньте, пожалуйста.

Урбан повиновался, глядя на волшебника со странной смесью превосходства и благоговения.

Академик резко взмахнул рукой, и на кабинет пала тьма. Папа непроизвольно вскрикнул.

– Молчите, Урбан, если вам дорога жизнь. Не двигайтесь, что бы ни произошло.

В полной темноте медленно стал проявляться силуэт волшебника, окруженный оранжевым сиянием. Оно разгоралось, слепя глаза. Над его головой медленно кружились огни астральных созвездий. По телу академика, как щупальца, зазмеились синие молнии, на миг пахло грозовой свежестью. Воздух стал тугим, легкие старика с трудом справлялись. Урбан задыхался. «*Обманул...*» – мелькнула паническая мысль и сразу пропала. Воздух заполнился низким гудением. Огни резали глаза, созвездия неслись в колдовском хороводе. На столе лопнул графин. Пол задрожал под ногами. Волшебник медленно, с усилием развел руки и хрипло выкрикнул какое-то слово. Из его груди вырвалось ослепительное синее пламя и ударило прямо в грудь Папы, отшвырнув его назад. Урбан вскрикнул, и все исчезло.

Кардинал Сикст кормил голубей на площади Святого престола. Он ждал своего осведомителя, секретаря Папской канцелярии. Папа четвертый день не показывался на людях. Начались пересуды, но только Сикст знал о болезни Папы, и только ему было известно о посещении Святого престола главой гильдии врачей. Поэтому только он сделал верные выводы из внезапной кончины последнего. Кардиналу было тридцать пять лет, он отличался богатырским здоровьем, имел блестящие способности и уже мысленно примерял на себя папскую тиару. Каково же было его изумление, когда на широкой лестнице папской приемной вслед за суетливой монашью мелюзгой появился папа Урбан V, спокойно беседующий с волшебником в коричневой мантии. У начала лестницы Папа величаво подарил склонившемуся волшебнику свое благословение и уже было повернулся к площади спиной, как вдруг его взгляд пересекся с удивленным взглядом кардинала. Папа милостиво улыбнулся и кивнул головой. Кардинал низко поклонился, по спине его пробежала дрожь. У Папы был странный, непривычный взгляд. Так богатые дамы Тиэра разглядывают платья, выставленные на продажу в широких окнах известных мастерских.

Совет волшебников по традиции собирался в амфитеатре главного зала, под Витражом Дракона, на котором плели свой вечный узор искры – волшба магов Университета, рассеянных по просторам Континента.

Собрались все главы кланов, менторы, магистры боя. Коричневые мантии клана дальнодействия, синие – предсказателей, черные – астрологов, зеленые – магов земли и красные – врачей. По традиции клан истины – белые мантии – входил только после самого академика. В коридоре раздались шаги. Стремительно вошел академик Дерпент, за ним – глава клана и единственная женщина в Совете, Ифсея Шуйская, и ее ментор – пожилой Крис Торфсон. Войдя последним, Крис закрыл двери и заговорил зал от соглядатаев.

Академик сел на свое место и обвел Совет невозмутимым взглядом. Все, кроме Аргниста, которому, видимо, что-то было известно, тревожно смотрели на него.

– Аргнист, будьте добры, расскажите нам о последних новостях.

Ментор встал, поправил серебряную цепь.

– Найдены виновные в беспорядках на Гандском базаре. Ими оказались прислужники черных колдунов. Шах вернул волшебников в столицу, правда Сагаат переведен к Вонтаграм – в Ганд ему въезд закрыт.

Глава клана дальнодействия кражистый великолатец Брон засопел в бороду, но смолчал. Вспомнил разнос за действия Сагаата, учиненный ему Дерпентом после разгрома рынка.

В Гоэр-Лате публично наказан плетьюми алхимик Ренелиус – за клевету и подлог. Дома волшебников будут отстроены за счет средств, удержанных с поджигателей.

– И как это их так сразу нашли, – усмехнулся Брон.

– Словинская газета оштрафована на триста талеров. – Кто-то присвистнул. – И наконец, на епископа Словинского наложена епитимья за еретического характера – клянусь, я цитирую – «за еретического характера неподтверждение божественного участия в волшебном даровании». Каков стиль?!

Волшебники от души посмеялись. События последнего времени были столь угрожающи, что их можно было понять. Только клан истины не принимал участия в общем веселье. Когда шум стих, ментор Крис тихо спросил:

– А цена? Чем мы откупились? Вчера мессир Дерпент устроил целую иллюминацию в Тиэре. Я опасался, что расплавится Витраж.

Он кивнул вверх, где мир Дракона переливался разноцветными огоньками.

– Может быть, мессир академик соблаговолит объяснить-ся?

Академик встал. Все взгляды скрестились на нем – доброжелательные и не очень, встревоженные и спокойные...

– Я дал Урбану Пятому бессмертие.

– Что?! – вскочил импульсивный ментор клана земли Са-оэолл. Эльфы с трудом усваивают людской этикет, и Саоэолл не был исключением. – Какая наглость! Нечего на меня так смотреть, уважаемый Аргнист. Я уверен, что без вас тут не обошлось. С каких это пор мы раздаем бессмертие? Или я что-то упустил? Мессир Дерпент вот так, за здорово живешь, сделал бессмертным... и кого? Этого... святошу, который даже не признает за другими расами права на существование!

Эльф стремительно сел, отвернувшись от Академика. От гнева у него перехватило дыхание.

– Дорогой Саоэолл, мы все понимаем ваши чувства, – голос Ифсеи, мелодичный и чувственный, мог растопить лед и остудить пламень одновременно. – Это действительно странно. Но давайте все же послушаем Ревияла.

– Благодарю вас, Ифсея. – Академик поклонился. – Я понимаю и предвосхищаю ваши возражения. Действительно, с этим бунтом можно было справиться. Иными средствами. В конце концов, такое уже было в восьмисотом году от Падения и в тысяча двести седьмом. Скажем, Рассеянное заклать через всех наших операторов – мир и покой снисходят на Континент.

Упрямый эльф помотал головой, гневно закусив губу. Было видно, что аргументы академика проходят мимо его. Ничего. Эльф гневлив, но благоразумен. Остынет, согласится.

– Но Рассеянное заклятье требует очень много энергии. Гораздо больше, чем бессмертие для какого-то священника, – продолжал академик. – Если я не ошибаюсь, любезный Брон, оно обошлось бы нам где-то в тысячу – тысячу двести фунтов кристалла?

– Где-то так... – неохотно подтвердил здоровяк. – А ваше бессмертие для этого проходимца, если говорить начистоту, и пуда не потянет.

– Но ведь дело не в этом, а в создании опасного прецедента, – заметил до сих пор молчавший Кроуль, глава клана врачевания. Кроуль был шэйхом, и поэтому буря эмоций в зале заставляла его болезненно морщиться, прижимая большие тонкие уши к лысому черепу. – Ясно, что это прежде всего скажется на моем клане. Теперь каждый князек начнет требовать от моих людей бессмертия.

– Справедливо, дорогой Коуль, справедливо, но... я надеюсь, что никто не узнает о бессмертии Урбана.

Крис выразительно пожал тщедушными плечиками, Сао-эолл горько усмехнулся.

– Помимо бессмертия я дал ему способность менять внешность. Посудите сами. Если его окружение будет знать, что Папа вечен, то единственный путь наверх – это убийство. А так... Урбан будет принимать облики наиболее подходящих кандидатур. Никто ничего не узнает.

– А как же оригиналы... сами эти кандидатуры? – спросил Брон.

Аргнист выразительно сложил руки перед грудью, кротко посмотрев наверх. Брон усмехнулся. Ифсея, все это время внимательно смотревшая в непроницаемое лицо академика, нетерпеливо взмахнула рукой.

– Ревиял, я знаю вас уже не первый десяток лет. У вас всегда есть туз в рукаве. Сделайте милость, откройте ваши карты. К чему тянуть. Я больше чем уверена, что затраты на Рассеянное заклятье – это не главное. У вас есть и другие аргументы?

Ревиял улыбнулся.

– Я лишний раз убеждаюсь, что от истины ничего не скроешь. Дело в том, что Папа Урбан Пятый, глава Святого престола, отец Мировой церкви... любезно согласился стать сторожевым псом Университета волшебства.

На секунду воцарилась потрясенная тишина.

– Что?! Как?! Что это значит? – раздалось затем одновременно со всех сторон.

– Все мы знаем, какие проблемы возникают у нас при смене пап. Каждый из них считает своим долгом поставить на место этих зарвавшихся волшебников. Каждый начинает вновь плести заговоры и подстрекать недовольных. А папа Урбан Пятый дал клятву вечно стоять на страже интересов Университета, используя для этого все свое влияние. Вот так.

Волшебники обескураженно переглядывались. Даже Сао-эолл удивленно, уже без всякой злости смотрел на академика.

ка. Общие чувства выразил Брон:

– Звучит как будто хорошо. Давно пора. Но... как это он согласился? Что-то мне не верится.

Академик помрачнел. Глубокая складка пролегла меж его бровей. Он развел руками и печально сказал:

– Я за это дорого заплатил. Мне пришлось отказаться... от своего бессмертия.

Волшебники потеряли дар речи. Даже всезнающий Арг-нист выглядел обескураженным. Первой пришла в себя Исея.

– Ревиял... что за чушь... Ой, извини, конечно. Какое бессмертие? У тебя же нет никакого бессмертия!

Академик снова развел руками:

– Вот в этом мне так и не удалось его убедить!

Я вспомнил эту историю потому, что еще многие годы спустя мне не давала покоя мысль: так кто же победил тогда, в приемной Папы? И сейчас мне кажется, что это один из тех редких случаев, когда в битве побеждают обе стороны. Каждый получил то, что хотел, и никто не остался обиженным...

Хотя нет... Конечно же нет! Как я мог забыть? Епископ Пардский...

Витраж юго-западный

Герцогство Чезаре.

728 год от Великого падения

*Si vis pacem...*¹¹

¹¹ *Si vis pacem, para bellum* (лат.) – если хочешь мира – готовься к войне.

Два всадника не торопясь ехали по тенистой лесной дорожке. Вокруг чуть слышно шумела дубрава. На солнечных полянах пахло лесными цветами, басовито гудели шмели, тонном выше – пчелы. Лес дышал томной негой. Впереди на статном черном жеребце ехал молодой человек. Вишневый плащ перекинут через луку седла, дорогой бордовый камзол расстегнут. Тонкое лицо спокойно. Он слушал тихую музыку леса, полузакрыв темные глаза и чуть заметно покачиваясь в седле. Здесь, в зеленом лесном мире, он походил на эльфа – правильными чертами лица, нежной матовой кожей, изящным станом. Длинные каштановые локоны падали до плеч, скрывая уши, и это лишь усиливало сходство. Но щегольские усики и здоровый румянец на щеках не оставляли сомнений в его человеческом происхождении. Его спутник, трусивший на пегой молодой кобылке был, скорее всего слугой молодого господина, потому что вряд ли что-то иное могло свести вместе столь разных людей. Был он высок, нескладен, на вид лет двадцати пяти, одет в простую холщовую рубаху с синей вышивкой по вороту, подпоясанную широким синим кушаком. Единственной заметной чертой его лица были широкие, сросшиеся на переносице брови, придававшие ему насупленный, угрюмый вид.

Тропа резво выскочила из леса и тотчас же нырнула в вы-

сокие, в человеческий рост, хлеба. Лето выдалось жаркое, в меру влажное. Колос стоял стеной, золотился под солнцем. Поля простирались до подножия холма. Вершина его была срезана, и на ней, отгородившись от мира темными крепостными стенами, угрюмо свернулся замок. Его крыша напоминала почерневший костлявый хребет. Замок хмуро глядел на мир темными глазницами окон. Мир ему не нравился. Впрочем, как и он миру.

Молодой человек натянул поводья статного гандского жеребца. Послушный конь стал. Спутник юноши перестал насвистывать беспечную песенку и тоже остановил свою лошадку. Молодой человек на мгновение задумался. Тонкие брови, изящный, с породистой горбинкой нос, ровная линия губ – он казался созданным для безмятежной радости в кругу верных друзей и нежных любовниц. Тревоги и печаль лишь на миг омрачали его лицо, словно тени облаков на золотой ниве, – и исчезали бесследно. Второй всадник, почувствовав одолевшие его спутника раздумья, низко загудел: *«Ваша светлость, может, и правда вернемся? Бог с ним, с герцогом этим. Жили мы преспокойно без герцога и дальше проживем. А?»* Ответа не последовало. *«Не нравится мне все это. Вот видит бог, не нравится».* Молодой человек молчал. *«И чего нам в нем? Мы что, наемники какие или эти... как их... еще кто? Мы же все-таки волшебники.* – Молодой человек иронически покосился на него. – *То есть вы все-таки волшебник, а поскольку я ваш слуга, то значит...»*

– Помалкивать и места своего не забывать, – в тон ему подсказал молодой человек.

– Так, ваша светлость, господин Альдо, я ж не о себе, я же о вас...

Волшебник повернулся в седле и попытался нахмуриться.

– Люсьен, если ты немедленно не замолчишь, я превращу тебя в сороку. Как ты думаешь, откуда берутся сороки? Только из болтливых слуг.

Люсьен запустил пятерню в волосы, стимулируя приток мыслей. Лицо его расплылось в довольной улыбке.

– А вот и нет, ваша волшебная светлость.

– Это почему же?

– Не станете вы волшебство на такую пустяковину тратить. Вам этот... как его... кодекс не позволяет.

Волшебник улыбнулся.

– А вы пройдоха, господин Люсьен.

– Скажете тоже, какой я господин... а все-таки, ваша светлость, может быть... ну его к лешему, а?

Дорога тем временем вывела их на широкий тракт, ведущий напрямик к замку. Люсьен, видя, что хозяин непреклонен, ссутулился на своей кобылке и что-то забормотал под нос. По мере приближения замок переставал выглядеть согбенным. Он хищно распрямлялся, расправлял зазубренные крепостные стены, простирал вверх хмурые тяжелые башни, злобно щерился бесчисленными бойницами. Таким он нравился Люсьену еще меньше. О чувствах его хозяина судить

было сложно. Едва только они оказались вблизи замка, лицо волшебника Альдо превратилось в бесстрастную маску, сразу прибавившую ему добрый десяток лет. Подъехав к черным, обшитым железом воротам, волшебник вынул из ножен длинную шпагу и властно стукнул эфесом по гулкому металлу.

– Он прибыл, ваша светлость.

Герцог Чезаре оторвался от шахматной партии.

– Кто прибыл? Капитан темьенских наемников?

Советник склонился еще ниже. Его невыразительное одутловатое лицо расплылось в подобострастной улыбке.

– Не совсем... Это... кое-кто другой, ваша светлость.

– Леандро, я не люблю загадки. – Тут он поймал взгляд советника: тот смотрел на шута, сгорбившегося у другого края шахматной доски. – Говори. Дураку я верю.

Леандро метнул в шута полный желчи яростный взгляд. Дурак в ответ округлил глаза и засунул в уши бубенчики своего колпака. Уяснив, что игра откладывается, он на четырех, по-обезьяньи, ускакал в темный угол залы и свернулся там на ковре. Почти сразу оттуда донесся залиvistый, с трелями и подвывом храп. Герцог усмехнулся, перевел взгляд на советника. Тот вновь торопливо склонился.

– Прибыл волшебник Альдо, ваша милость.

Герцог рассмеялся, гулко хлопнул советника по мягкой спине.

– Ну что, Леандро, кто оказался прав?

Советник сокрушенно развел руками, покивал головой, словно осуждая себя. Впрочем, уголки его рта подозрительно подрагивали, и ему пришлось вновь угодливо поклонить-

ся, скрывая торжествующую усмешку.

– А ты не верил, Леандро. Даже спорил со мной! Какой ты, к черту, советник? Выдрать бы тебя на конюшне... Ну-ну, это я так, – добавил он снисходительно, взглянув на затрепетавшего придворного. – Давай зови его.

– Куда прикажет ваша светлость?

– Куда... Да хоть в охотничью башню. Ну и спроси... там... не проголодался ли с дороги... Одним словом, по этикету.

– Как вам будет угодно.

Леандро вновь отвесил поклон, колыхнув подбородками, и, пятясь, удалился.

– Эй, дурень! – громко позвал герцог, когда дверь за советником неслышно затворилась.

– Гав?

– Сдаешься или будем доигрывать?

– Гав! – Шут на четвереньках подобрался к доске, взял в зубы слона и перенес его на новое место. – Вот так, дяденька! Чезаре задумался.

Шут увязался за герцогом в башню. У дверей в охотничий зал хозяина ожидал Леандро.

– Он здесь, ваша милость.

– Хорошо... Эй, господин дурак, ты-то куда собрался?

– Я хочу войти первым!

Герцог обескураженно поднял брови:

– Это еще почему?

Шут приложил к дверям оттопыренное ухо и с деланным испугом зажмурил глаза.

– Там ведь волшебник, правда, дяденька? А каждому известно, какие они зазнайки! Вот я и смекнул: волшебник уверен, что он умнее того, кто сейчас войдет. Так почему бы не порадовать гостя?

– Очень глупо, господин шут.

– Так я и есть дурак, – простодушно пожал плечами шут, и его бубенчики зазвенели.

– Вот и оставайся в дураках. Со мной ты не пойдешь.

– Как скажешь, дяденька. Тогда я полежу вот здесь, на коврике. Должен же тебя кто-то охранять.

Герцог кивнул советнику, и тот, забежав вперед, открыл двери.

Увидев входящего герцога, волшебник встал с кресла и изящно, с достоинством поклонился.

– Мои приветствия и наилучшие пожелания владельцу этого дома.

– Благодарю, господин Альдо. Я тоже желаю вам многих лет... Долго ждали?

Волшебник покачал головой.

– Ну что вы. Я прекрасно провел время. – Он показал на стены, увешанные оружием и охотничьими трофеями.

– Тогда перейдем к делу. Не люблю, знаете ли, ходить во-круг да около.

Волшебник согласно склонил голову. Леандро тихонько устроился на деревянной скамье у окна, сверля волшебника маленькими острыми глазками. Герцог уселся в широкое, с высокой спинкой и массивными подлокотниками кресло, вытянул ноги в высоких охотничьих сапогах.

– Как вам Тиэр, господин Альдо?

Волшебник легко пожал плечами. Тиэр его не интересовал. Не интересовал его, по большому счету и этот мужиковатый, косноязычный герцог. Силен, жесток. Судя по массивному подбородку и кривому носу, драчлив.

Но герцог и не ждал от волшебника ответа. Он стукнул жилистым кулаком по подлокотнику.

– Этот жалкий выскочка, граф Эвальд, провозгласил себя монархом! Какова наглость, а?! Нет, если б речь шла только о титулах, мне было бы наплевать. Пусть называет себя монархом, папой, хоть чертом в ступе! Но он захватил графство Безень и герцогство Абалак! А это уже совсем другое дело.

Волшебник кашлянул:

– Однако было объявлено, что они по доброй воле присоединились к Тиэру...

– Чего? Сами?! – Мохнатые черные брови герцога сошлись на переносице, толстогубый рот скривился. – Вранье. Вот, к примеру, я. Вольный человек. Так что, я приду к Эвальду и буду вот так, за здорово живешь, лизать ему пятки? Я хорошо знаю герцога Абалакского. Он бы никогда... Словом, что-то тут не то. Эвальд их как-то заставил. – Герцог сжал кулаки.

– Допустим, ваша светлость. Но при чем здесь я?

– Как это при чем? Тиэр нужно остановить. Это ясно. Но в одиночку я этого сделать не могу. Мне нужен союзник. Я думаю о герцоге Саремском.

Волшебник задумался, рассеянно поглаживая инкрустированный серебром эфес своего клинка. Герцог выжидающе смотрел на него.

– Так случилось, ваша светлость, что я знаю герцога Саремского. Не думаю, что он войдет в союз против Тиэра. Ни вам, ни мне его не уговорить. Хотя, говоря по правде, под крыло Эвальда он тоже не стремится.

Герцог широко улыбнулся. Видимо, слова волшебника подтверждали его собственное мнение.

– Это верно! Я пытался договориться с ним... Без толку. Старый лис засел в Сареме и носу не кажет. Придется его вынудить.

– Вынудить? – теперь настала очередь волшебника продемонстрировать вежливое изумление.

– А что делать? У него отличные лучники. С конницей слабовато – скудные пастбища. Но лучники... Мои хуже. Если армия саремца будет на моей стороне, Тиэр не устоит. Но старый герцог по своей воле за мной не пойдет. Улавливаете?

– Допустим, – осторожно сказал волшебник. – И как же вы собираетесь его заставить?

– Как-как. – Герцог фыркнул, обнажив крупные зубы. – Силой. Другого языка саремец не понимает. Но вот в чем завыка. Я не хочу тратить силы в междоусобице. Мое преимущество должно быть подавляющим, тогда старый лис сдастся без боя и я получу его лучников.

– Но, насколько мне известно, ваши силы примерно равны.

Герцог досадливо поморщился.

– Равны, равны... Черт бы побрал этого упрянца. Но у меня есть одно секретное оружие.

– Наемники?

– Вы. Вы, господин волшебник, поможете мне одержать победу малой кровью. И не говорите, что у вас мало сил – я догадываюсь, чего вы стоите на самом деле.

Волшебник нахмурился, пружинисто встал.

– Господин герцог, я думаю, вам известно, что волшебники не участвуют в войнах!

– Ну что вы, господин Альдо, не надо так волноваться.

Сядьте.

Герцог сжал крепкими пальцами подлокотники, нахмурил низкий лоб.

– Вот послушайте. Если вы откажетесь, я буду вынужден положиться на наемников. А наемники народ такой: пока вы побеждаете, они с вами, а чуть запахнет жареным – покажут спины. И тогда мне придется отступить. Понимаете? Войска саремца прокатятся по нашей земле. Не мне вам рассказывать, что будет дальше. Боюсь, они захватят замок вашего батюшки – барона Стельвио. Вы понимаете, чем это грозит?

– Милано Саремский лично знает моего отца. Он не станет...

– Станет, господин Альдо, станет. Не он, так его солдаты. Когда мои войска отступят – а отступят они, конечно, через земли вашего батюшки, – туда прорвется саремская армия... Боюсь, от замка останется одно пепелище... Подумайте об отце, о сестрах – у вас же, по-моему, две сестры... Какую участь вы им готовите?

Волшебник побледнел. Рука его непроизвольно стиснула рукоять шпаги.

– Вы не посмеете...

– Я? – герцог изумленно приподнял черные брови. – Я ничего не могу поделать. Я же вам говорил о пехоте саремца. И отказаться от войны я тоже не могу. Но вот с вашей помощью... Подумайте, если саремец увидит вас, поймет, что вы на моей стороне... мы сможем обойтись без сражений. По-

нимаєте? Ваша сила и моя армия. Тогда вашей семье ничего не будет грозить, а вы не нарушите вашей клятвы. Нам не придется воевать.

Волшебник подошел к окну, задумчиво взглянул на расстилающиеся вокруг поля, мирные деревни, зеленые пятна лесов.

– А если герцог Саремский тоже найдет волшебника?

– Но ведь вы сами сказали, волшебники не воюют. – Герцог криво усмехнулся. – Победа выгодна нам обоим. Ну же, господин Альдо, будущий барон! Вот увидите, я умею быть благодарным.

Молодой волшебник невесело вздохнул.

– Что вы можете мне дать? Деньги, титул? Все это у меня есть. Земли? Я к этому не стремлюсь...

– Власть. Я дам вам власть. В самом деле, вы, потомок знатного рода, – простой волшебник! Нет, это никуда не годится. Вы будете, – герцог сделал широкий жест рукой, – сюзереном всех магов этой земли.

На этот раз Альдо искренне рассмеялся.

– И как вы себе это представляете, герцог?

– Помогите мне и увидите. Герцог Чезаре никогда не нарушал своего слова. Вы станете Верховным магом... или как там это у вас называется. Слово герцога.

Советник Леандро, напряженно следивший за ходом разговора, с тревогой смотрел в спину волшебнику. Ему постоянно казалось, что герцог говорит неверно, использует не те

аргументы, недоговаривает или, наоборот, чересчур нажимает. Он пыхтел, вертелся на жесткой скамье, сжимал пухлые кулачки, открывал рот, но не осмеливался произнести ни звука. Но сейчас он не выдержал.

– Соглашайтесь, ваша волшебная милость... соглашайтесь, – чуть слышно прошелестел он.

– Вы думаете? – резко обернулся к нему волшебник. Леандро вздрогнул от неожиданности и вжался в стену, приподняв короткие ручки. Советник напоминал сейчас толстого хомяка, застигнутого в амбаре хозяйской кошкой. Черты волшебника смягчились. – Так почему же я должен согласиться, господин советник?

– Если мне будет дозволено высказать мое скромное...

– Давай, Леандро не тяни, – подбодрил советника герцог голосом столь грозным, что бедняга окончательно смешался.

– Я думаю, ваша светлость молодой барон, что усиление Тиэра не выгодно вам обоим. Граф Эвальд привык расправляться с любым врагом... в том числе с тем, кто может стать врагом в будущем. Когда он получит абсолютную власть, власть монарха, у него останется только один противник – вы. Нет, не вы лично, упаси господь, а вообще – волшебники. С позволения господина герцога, мне кажется, что, помогая ему, вы помогаете себе.

Волшебник усмехнулся.

– Вы умеете подбирать людей, герцог. Хотел бы я иметь столь здравомыслящего советника. Хорошо. Я подумаю над

вашими словами. Через два дня я дам вам ответ. — Они обменялись рукопожатием. Герцог, заметно повеселев, послал советника распорядиться об обеде. Тем же вечером волшебник, сопровождаемый приободрившимся Люсьеном, покинул замок.

Через три недели он прибыл в военный лагерь на границе с землями герцога Саремского.

– ...Таким образом, все получилось как нельзя лучше?

– Не совсем так, ваше святейшество. Чезаре хитер и подозрителен. У него поразительная интуиция. Епископ Узельский под наблюдением, поэтому я был вынужден прибыть с докладом лично.

Папа Целестин VI пожевал сухими губами. Его руки, покрытые морщинистой, пергаментной кожей, мелко дрожали. Но ум остался неподвластен возрасту, а в блеклых глазах читалось фанатичное упорство.

– Это хорошо, это очень хорошо, что герцог Чезаре клюнул на нашу приманку... Значит, молодой барон Стельвио согласился? Ай да барон, ай да волшебник. – Папа тоненько засмеялся, потирая сухие руки. – Эта ваша мысль о волшебниках, знаете ли... Посмотрим-посмотрим, что они могут на самом деле. Так когда герцог Чезаре выступает?

– Через пятнадцать дней, ваше святейшество. Основной удар планируется в направлении местечка Мейнхельм.

Папа Целестин нахмурился, раздраженно зашуршал бумагами на столе.

– Но герцог Саремский не успеет... Вы слишком рискуете.

– С позволения вашего святейшества, я взял на себя смелость и заранее отправил к герцогу Милано Саремскому своего человека.

– Хм... – папа пожевал губами. – Вы действительно смелый человек. Это похвально, да, похвально... До первой ошибки. А вы сообщили ему о волшебнике?

– Нет, ваше святейшество. На это я хотел получить ваше личное разрешение.

– Вы его получили. И добудьте для него мага. Сами.

– Но, ваше святейшество, где же...

– Не знаю где. Хоть из-под земли достаньте. Это была ваша идея – вот и действуйте. – Папа склонился вперед, налег костлявой грудью на стол и прошипел прямо в лицо собеседнику: – Вы хотели титула? Сейчас у вас есть шанс все получить... или все потерять. Если волшебник будет только у Цезаре, нам не удастся обескровить обоих. Понятно? Мы не можем проиграть. Тиэр должен стать новым Римом. И монарх должен знать, что победу ему принесли мы – Святой престол. Мы дадим ему власть. Мы можем ее и отнять.

Он проницательно взглянул в глаза собеседника.

– Вы слишком самонадеянны. Это грех, да-да, большой грех. Запомните: вы – орудие Церкви. Вы, а не наоборот. Ступайте. Да поможет вам Бог.

Город Узель находился в полудне пути от замка герцога Чезаре и стоял на его земле. Герцог не злобствовал, брал по-божески, не раз со своей дружиной бился под городскими стенами. Городское ополчение верило герцогу. И не зря. Был в нем редкий дар боя. Расчетливость и коварство вкупе с бесстрашием и силой делали Чезаре опасным противником. Соседи знали это и давно оставили земли герцога в покое. Сейчас Узель кипел. Люди герцога сулили щедрую добычу наемникам. По оценке волшебника Альдо, герцог сумел собрать, считая окрестные городки и села, до пятидесяти тысяч пешими и три тысячи всадников. Огонь в кузнях полыхал день и ночь. Казалось, весь город мощно гудел, одеваясь в тяжелую, мощную броню, ошетинаясь бесчисленными копьями, алебардами, секирами. Панцирники из герцогской дружины вострили тяжелые двуручные эспадроны, придирчиво проверяя баланс. Сам волшебник Альдо предпочитал легкое оружие. Проходя мимо лавки оружейника, он залюбовался изящным эстоком. Шпаги относительно недавно вошли в моду и притягивали взгляд непривычной формой и особой, губительной грацией. Тонкий клинок эстока был покрыт гравировкой, затейливая гарда сама просилась в ладонь. Толстый низенький оружейник поймал его взгляд и поспешно выкатился из лавки.

– У молодого господина прекрасный вкус... Такой шпаги вы нигде не найдете.

Волшебник открыл было рот, но вставить слово оказалось решительно невозможно. Оружейник трещал без умолку, довольно ловко при этом демонстрируя достоинства эстока.

– Вы только посмотрите на эту гибкость... Вот, заметили? О, у вас острый глаз! Таковую сталь у нас не варят. Наши кузнецы что? Мужичье! – Он презрительно сморщил кругленькую, как сдобная булочка, физиономию. Его темные навывкате глаза внимательно следили за реакцией богато одетого юноши. Заметив его колебания, продавец решил выложить главный козырь. Он приподнялся на цыпочки и жарко зашептал на ухо волшебнику: *«Это не просто клинок. Это гандская сталь. Я вижу, вы человек чести и не выдадите меня... Я достал его у иэихов. Не верите? Клянусь костями Великого Дракона, это правда. Вот, посмотрите на гравировку. Это ведь гандские письма»*.

– Ты читаешь по-гандски? – изумился Альдо.

– Кто, я? Упаси господь! – оружейник испуганно перекрестился. – Я и по-нашему то с трудом, только Писание да Великое падение.

Альдо повернулся к свету, поднял клинок к глазам, вглядываясь в гравировку. Сначала прочитанное вызвало у него улыбку, затем он расхохотался во весь голос.

– Что-что такое? – забеспокоился оружейник, неуклюже подпрыгивая и заглядывая через плечо юноши. – Ваша ми-

лость знает по-гандски? Что там написано?

— Это не гандский клинок. — Альбо вытер выступившие от смеха слезы и вернул оружие владельцу. — Это подделка. Поверьте, мне очень жаль. Кто-то просто перерисовал буквы из первой попавшейся гандской книги. Прочитав эту надпись, владелец клинка сможет... правильно ухаживать за розами.

Маленький торговец вздохнул, забрал клинок и, печально понурясь, побрел в глубь лавки.

— Ну вот... Чужало мое сердце. Ведь говорили мне... — внешне он обернулся, охваченный подозрением.

— Уж простите, господин хороший, вы часом не подшутили надо мной? Ну, чтобы, значит, подешевле...

Альдо нахмурился, протянул руку. На его ладони едва видимый в лучах солнца плясал маленький прозрачный дракончик. Оружейник побледнел, подался назад, на ощупь ухватился за дверной косяк.

— Простите, ваша волшебная милость... не признал. Костями Дракона клянусь, не признал. Не в обиду вам будь сказано, очень уж вы молоды, ваша милость. Простите бога ради...

Альдо заложил руки за расшитый пояс. Ему стало жаль беднягу. В конце концов, настоящий гандский меч действительно стоит немало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.